

THE HORUS HERESY

THE PRIMARCHS

Edited by Christian Dunn

THE MILLION-SELLING NOVEL SERIES

ПРОЧНОСТЬ ЖЕЛЕЗА

...

Ник Кайт

Действующие лица

Х легион «Железные Руки»

...

Феррүс Манүс, примарх

Габриэль Сантар, адъютант и Первый капитан

Баакал Десаан, капитан Девятой клановой роты Морлоков

Эразм Рүүман, Железномелый, Тринадцатая клановая рота Морлоков

Шаграк Медүзон, капитан Десятой клановой роты

Бион Хенрикос, Седьмой сержант Десятой клановой роты

...

Ксеносы

Латсаруал, эльдарский провидец

«Прорицатель», эльдарский провидец

— Какое имеет значение, почему он пал?

Когда смерть — это все, что имеет значение.

...

— ответ провидца Ламсаруала
изучающему Путь.

...

Выкованный из железа

Не предполагалось, что она будет такой.
По его мнению, война не должна
заканчиваться так. Он
представлял ее иначе.

Славной, доказывающей... мстительной.

Мне не полагалось потерпеть здесь
неудачу.

Он не собирался быть последним. Он
ненавидел быть последним. Это
раздражало, как зуд вокруг
шеи.

Как бы он не смазывал маслом кожу под

горжетом, или не менял способы фиксации замков, зүг не проходил.

Как клинок на моем горле...

Зүг начался с его первого шага по пустыне.

Отдаленное напоминание о чем-то еще незаконченном, обещание, которое его воображаемый палач должен сдержать. Песок был

повсюду, бесконечный океан колышущихся песчинок, отбеленных беспощадным солнцем,

протянулся до самого размытого горизонта. В его снах песок был черным.

Такие обреченные мысли сорвали недостойные слова с поджатых губ.

-- Я -- ровня своим братьям, -- пробормотал он в темноту, которая не соизволила ответить.

-- И лучше некоторых, -- добавил он. Равнодушные тени по-прежнему не обращали внимания.

С тех пор как он рассеял тьму огненным следом, все неизменно сводилось к этой

единственной

истине.

— Я должен быть первым.

Внутреннее убранство сухопутного корабля и стратегиума было черного цвета, как и его

настроение. Монотонный повтор тысячи толотов звенел в бронированных бортах, тогда как траки, движущие его левиафан, гретели по пустыне безжалостной синкопой. Сквозь постоянный грохот

раздавался приглушенный гул тяжелой артиллерии. Это наполнило ему кузню и ее законченные

недра, Анвилариум на борту «Железного Кулака». Как он страстно желал в этот момент единения

своего личного реклюзиата. С внутренней стойкостью пришла сила и ушла слабость.

Слабость заслуживала ненависти. Ей не было места в новом Империи.

Когда гололит затерцал, показывая возникающий образ в зернистом сером разрешении, он

догадался, что ненавидел более всего
слабость внутри. Он сетовал не на недуг,
социальное или

психологическое отклонение, а скорее на
саму плоть и все присущие ей ограничения.

Я буду подобен железу.

Фокусировка обратила зернистый
голомит в две фигуры.

Феррүс Манүс сердито взглянул на обоих
из тускло освещенных теней. Для него и
его сил

кампания на Огин-Пять-Четыре Четыре
протекала неудачно.

Когда он обратился к своим гостям, его
голос был тверд, как гранит.

-- Братья.

...

Спуск в пустынную впадину не был легок.
Из-за постоянно движущихся дюн и
пагубного

воздействия песка на двигатели большая
часть танковых дивизий Армии и клав
Механикума

потеряли боеспособность.

Гусеничные машины увязли возле вершины склона, наполовину погрузившись в песок. Один

средний танк встал на нос и перевернулся, из-за чего вся колонна со скрежетом остановилась.

Даже у двуногих шагоходов дела шли не лучше, и разбитые остовы нескольких «Часовых»

оказались на дне пустынной впадины раньше любого пехотинца. Следовавшие за ними не

обратили внимания на их сгоревшие обломки.

Поэтому принять бремя битвы выпало более стойким и искусным воинам.

— Принесем и железо и смерть! — закричал Габриэль Сантар с механическим эхом в голосе, давая команду наступать.

Армия Железных Рукав ответила, двигаясь в унисон. Из их оружия вырвалось сияние потрескивающих залпов.

Навстречу им катилась орда громадных

насекомоподобных существ, покрытых
хитином, а за ними
десятки воинов в плащах, которые
первыми выскочили из засады.

Эльдары.

Полыхнули дупльные вспышки, заговорил
низкий рокот артиллерии, и горячий
воздух в пустынной

впадине разорвал ураган снарядов.

Первая волна толстокожих и массивных
хитиновых тварей была медленной, но
живучей. Снаряды

обрушились на их массивные тела, но
оставляли на них только зазубрины. Они
без промедлений

прошли сквозь сұлтаны от взрывов ракет
и гранат. Как и их меньшие собратья, они
выпрыгивали

из пустыни в клубках поднятого песка и с
унылыми гнусавыми звуками. Горбатых и
крепких,

размером с имперский танк, зверей
направляли эльдары, пользовавшиеся, по
предположению

Сантара, некой формой ментального принуждения.

Столь чуждая технология вызывала отвращение, но Первый капитан знал, что они -- не настоящий авангард.

Авточувства шлема зарегистрировали едва заметные колебания в виде незначительных

сейстических аномалий в тектонической структуре впадины, которые неуклонно росли в силе.

Под ними прокладывали туннели роющие существа, быстро приближаясь к линии Железных Рук.

Атаку предвещала серия подземных взрывов. Пока Легионес Астартес наступали стойкими рядами

черного и стального кератита, из клубов пепелеска появились твари -- быстрые, злееподобные и

абсолютно непохожие на стройные ряды Железных Рук. Определить истинную природу этих

терзостей было сложно. Пустыня окутала зверей и их хозяев частичной пеленой, но сверкнувший

из зазубренных копий замаскированных наездников потрескивающий залп был замечен. Это

своего рода кавалерии, понял Сантар, только самого худшего вида.

Сантар нахмурился, и его лицо окаменело. Он увидел, как их содрут с лица пустыни.

Вокруг него полыхнули залпы стрелкового оружия и легкой артиллерии. Первый капитан поднял

толпичевый коготь вверх и повел роту Морлоков на навдвигающихся тварей. Солнечный свет

отразился от клинков и заблестел на темном металле доспеха.

На дистанции элитные воины были грозными; в ближнем бою — неодолимыми.

Чужие, казалось, не поняли этого, но скоро их научат.

— Будьте как железо! — заревел он, когда эльдары обрушились на них.

Зверь, чье глинное сегментированное туловище было прикрыто крепким коричневым панцирем,

бросился на Первого капитана, пытаясь откусить ему руку. Сантар уклонился от выпада и рассек

ему морду, пролив тягучую зеленую жидкость на щелкающие жвала и фасеточные глазные

впадины. Второй удар с гулом бионической автоматики отсек бритвенные клешни, вызвав

пронзительный вопль из сторщенной части твари.

Ее наездник -- эльдар в песочного цвета плаще и серовато-коричневым доспехе, который был

отражением естественного панциря твари -- воспользовался электрокопьем. Но Сантар рассек

несчастного, прежде чем тот смог сделать выпад.

Сервоприводы в его механизированных имплантатах завыли, придавая

дополнительную силу и

без того исключительной физиологии. Сантар разрубил голову второго хитинового червя, пока

первый все еще падал. Сквозь фонтан крови из разреза на шее он увидел капитана Ваакала

Десаана, который возглавлял группу роты, затем Габриэль выпотрошил третьего монстра.

Зверь и наездник рухнули. За ними приближались другие. Они неслись перед более крупными,

похожими на жуков монстров, оставляя на поверхности пустыни клубы пыли.

На его ретинальном дисплее было отмечено, по крайней мере, четыре дюжины вражеских

контактов. Слабо горящие сигнатуры, заглушенные песком, подсказывали, что еще восемьдесят

были под землей. За ними следовал отряд пехотинцев в серовато-коричневых плащах

с

антигравитационным оружием, и возмущен
наполнился визгом их орудий.

В ответ закованные в железо Морлоки
дали мощный залп, грохочущее сочетание
их болтерного

огня издало свирепый звон. Занимая центр
боевого порядка, они не собирались
уступить. Их

терминаторские доспехи "Катафракты",
созданные из усиленных пластин, с
похожими на бочки

наплечниками, украшенными перчатками,
которые покрывали более тонкие и искусно
сделанные

наручи, были почти непробиваемы для
оружия чужих. Предназначенные для
фронтального

штурма - тактики, в которой Железные
Руки преуспели - доспехи делали их
гигантами. Громадные

и непреклонные, они безнаказанно шагали
сквозь град выстрелов из тяжелых
энергетических

арбалетов, термоядерных бластеров и

юриканных оружий.

Для победы над хитиновыми червями потребовалось небольшое усилие, твари были истреблены без какого-либо ущерба.

-- Они явно не сражались с терминаторами прежде, -- сказал Десаан по радиосвязи.

-- Просто убивай их, брат. Так эффективно, как умеешь. -- Замечание Сантара было быстрым, но

ясным. Доспехи "Катафракт" были редкити для Легионов, но Железные Руки гордились их

большим количеством, особенно среди клановых рот Авернии -- Морлоков. Броня была

громоздкой, сродни ношению среднего танка без траков, но сохранившая его устойчивость и

убойную силу. Сантар упивался механической силой, которую давал ему доспех. Они все

упивались.

Удары Железных Рук обрушивались, как метрономы: точно, методично и без лишних движений.

Это была функциональная боевая доктрина: безжалостная и неотомляемая. Эльдары дрогнули перед ней.

Сообща с капитаном Десааном Сантар усилил натиск. Тяжелобронированные Морлоки прошлись катком по дюнам. Никому не удалось избежать их ярости, карающей и абсолютной.

На ретинальном дисплее Первого капитана запрыгали возобновившиеся колебания, отменяя новых проходчиков. Сначала он ожидал вторую волну хитиновых червей, но понял свою ошибку,

когда колебания стали более громкими и резонирующими.

-- Приготовиться к отражению атаки, -- рявкнул он по радиосвязи.

Обе роты Морлоков построились в линию

с безупречной согласованностью, навел
оружие на

мертвое пространство перед собой.
Болтерный ураган стих, позволив
потрепанным эльдарам
спешно отступить за барьер их
громадных существ.

Прищуренные глаза Сантара позади
безжалостных линз боевого шлема обещали
покачать этих
трусов позже.

Артиллерия Армии заняла позиции на
гребне возвышенности. Канониры
прицелились и обрушили
огонь на взбесившихся хитиновых
монстров, подтавивших под себя эльдаров.

Он знал, что следующая волна
приближается.

-- Никакой пощады, -- сказал он своим
воинам.

Трещины усеяли дно песчаной долины,
поглотив трупы мертвых хитиновых
червей и их убитых
наездников, когда появилась гораздо

крупнее по размерам разнообразность
подземных тварей.

Массивные клешни и жало на конце
змеиного тела придавали им вид
скорпионов, о которых

Сантар слышал от легионеров
Восемнадцатого перед развертыванием на
Один-Пять-Четыре

Четыре. Видимо подобная тварь обитала
на их вулканической родине. Это мало
значило для

Первого капитана; ему просто нужно было
знать, как убить их.

Потрескивающая линия болтерного огня
хлестнула по груди существа, но снаряды
не смогли ее

пробить и взорвались со слабым
эффектом на прочном экзоскелете.

Один взгляд на ядовитое жало и
зазубренные когти на ребристом теле,
сказал Сантару, что эти

твари смогут пробить силовой доспех.
Теоретически было возможно, что они
также могут ранить

терминаторов. Он решил проверить версию, но не прежде, чем немного проредит ряды нападавших.

Сантар вызвал Эразма Рүүмана по радиосвязи.

Железномелый ответил немедленно: -- К твоим услугам, Первый капитан.

Сантар мысленно пометил кроваво-красным крестом приближающихся скорпионоподобных существах.

И нашим железным кулаком...

-- Тяжелым дивизионам обстрелять этот район, -- проскрежетал он машиноподобной модуляцией,

мысленно передав координаты. -- «Рапиры» и ракетные установки.

Взгляд и сжатый кулак Сантара, обращенные к Десаану, остановили капитана Морлоков и обе роты терминаторов.

Несколько секунд спустя артиллерийский ураган осветил пустынную впадину

слепительно-белым

светом, таким ярким, что он почти
перезрузил ретинальные злушители
боевого шлема Сантара.

... мы обрушим такую ярость.

Он быстро сморгнул остатки слепоты и
шагнул в затянутую дымот зону обстрела.
Под ногами

хрустел расплавленный песок, а края
ботинок облизал огонь, когда он раздавил
пылающий

эльдарский череп.

-- Вперед, клан Авернии. -- Он дал сигнал
Десаану и терминаторам.

После залпа Рүүмана от сотен чужаков
осталось несколько десятков.
Скорпионообразные почти

все были уничтожены. Осталось несколько
упорных защитников вместе с тварями,
зарывшимися

достаточно глубоко, чтобы пережить
обстрел. Они сражались среди тлеющих
тел своих навших,

но эти напотинания об их смертности

казалось, только придавали стелости
тварям вместо того, чтобы вселить
страх.

Сантар сокрушит врагов, несмотря на их
стойкость.

Тысяча легионеров последовала за ним -- к
Морлокам присоединились резервы
Железных Рукав

количестве более чем достаточном,
чтобы истребить непокорный отряд
ксеносов. Сантар быстро

провел оценку тактической диспозиции
своих сил.

Морлоки удерживали центр, в то время
как правый фланг занимал Шаграк
Медузон и его рота.

Левый был сжат в твердом кулаке
Руутана и еще одной роты тяжелой
поддержки. Несмотря на

присутствие медленных терминаторов,
наименее подвижными были части
Железномелого. Логика

советовала косой боевой порядок, как
наиболее эффективный и подходящий.

Сантар передал

распоряжения.

-- Железномелый образует ось. Десятый капитан, ты -- наш сокрушающий кулак.

Значок подтверждения от Медузона один раз вспыхнул на ретинальном дисплее Сантара. Затем

Габриэль переключился на канал связи с капитаном Девятой.

-- Десаан, поддерживай темп своих терминаторов. Переходи на атакующую скорость, булавы и клинки.

Десаан тут же «кивнул» своим тизнувшим значком. Терминаторы прикрепили магнитными

зажиматами болтеры и обнажили оружие ближнего боя, размахивая потрескивающими булавами и пылающими клинками.

Несмотря на медлительность, жукообразные хитиновые твари обладали достаточной массой,

чтобы смять танковую броню. Сантар

желал покончить с ними; они -- все, что
осталось от

сопротивления эльдаров.

Медузон ударил первым, «сокрушающим кулаком», сразу как затих последний залп Рүүмана.

Пытаясь охватить изолированную роту твари обрушились на Железных Рүк, которые сковали их.

Менее чем через минуту после того, как звери были полностью втянуты в битву, Сантар, Десаан и

две полные роты Морлоков обрушились на их открытый фланг.

Эвисцераторы и сейстические молоты резали и крушили громадных тварей, которые постепенно

гибли под безжалостной атакой легионеров. Медленно, один за другим, они падали и затихали.

Пустыня оглашалась звуками их смерти, барханы оседали от сотрясений, вызванных падением

зверей.

Сантар стоял на краю скользкой от крови воронки и, вытянув клинки из расколотого черепа

эльдара, смотрел на бойню, устроенную им и его братьями.

-- Слава Императору! -- заревел он.

Тысячи голосов подхватили его слова.

-- Слава Императору, -- произнес Рүүтан по рации, -- и во имя Горгона.

-- Я сомневаюсь, что эта победа удовлетворит его, брат, -- грустно ответил Сантар, после чего он отключил связь.

Эльдары были разбиты, сокрушены с твердую решимость Железных Рук. Сантар вытирал кровь

чужих с толпиевых ногтей, когда к нему подошел Десаан. В своих терминаторских доспехах

"Катафракты" они были на много выше братьев-легионеров и лучше видели поле битвы.

Мертвые чужаки и их поработанные хитиновые твари лежали отдельными

кучати, разлагаясь на

солнце. Устремительные команды Железных Рукав перемещались по полю битвы и добивали

выживших. Сантар приказал пленным не браться. Эльдары не поддавались силовому воздействию,

даже наиболее яростному, и облагали талантом к дезориентации противника и рассеянию

замешательства. Сила духа, целеустремленность и беспопачность — на этих боевых принципах настаивал Первый капитан.

Один из жалких чужаков попытался заговорить, его речь была мелодична и неприятна для чувств

Сантара даже, несмотря на надетый боевой шлем. Он покончил с эльдаром своим молниевым когтем.

— Мы должны преследовать и изводить их, брат-капитан, — сказал Десаан. Визор, который он

носил вместо глаз, холодно сверкнул,
словно подчеркивая его слова. Капитан
«ослеп» по милости

распылителя кислоты эльдаров,
разновидности ксеносов более жестокой и
ядовитой, чем

песчаные кочевники, с которыми они
сейчас сражались. Благодаря
вмешательству Механикума

девятый капитан теперь видел больше,
чем когда-либо прежде.

Сантар перевел взгляд от мертвого
чужого к вершине далекой дюны, куда
отступали уцелевшие

эльдары. Густое море колыхалось и
размывало обзор, но чужие были рассеяны.
Такой

беспорядок долго не протянется. Сантар
предпочел бы догнать их и уничтожить,
но они уже были

далеко, как и хотелось отцу.

— Нет. Мы перегруппируем наши силы и
прикажет им снова приготовиться к
маршу как можно

скорее, -- сказал он, потом добавил, -- Это
даст некоторым более медленным частям
возможность

догнать нас.

-- Умеешь в виду более слабым.

Сантар через визор встретил
невозмутимый взгляд Десаана.

-- Я имею в виду то, что говорю, брат-
капитан.

Десаан кивнул, но поднятая рука Сантара
не позволила ему уйти. Первый капитан
отвернулся,

оценивая перебитых в пустынной впадине
хитиновых тварей. Большинство были
изрублены,

пропитывая песок зеленой кровью и
источая тошнотворный запах; другие,
наполовину зарывшиеся

в землю, были убиты прежде, чем смогли
сбежать. Выжившие глубоко зарылись,
подальше от

шута и огня, забрав наездников с собой.
Если подобным существам позволить
беспрепятственно

перемещаться, по отдельности или в группах, они могут стать ненужной проблемой.

Сантар вызвал по радиосвязи Железномелого.

-- Рүүман, в срочном порядке зачищает этот район. Я хочу, чтобы он был полностью обезврежен, на поверхности и под ней.

-- В живых никого не оставлять. -- Это был не вопрос, но Сантар все равно ответил.

-- Никого, брат.

Первый капитан уже видел, как позади передовой линии Железномелый выводит на позиции

дивизионы минометов-кромов и беспилотных зажигательных дронов «Термит».

-- Достань их, -- добавил он.

-- Никого в живых, -- Рүүман повторил скрипучим голосом подтверждение.

Сантар сделал знак капитану Десаану следовать за ним, оставив подготовку к

перезарядки и

наступлению капитану Медузону.

— Ты со мной, Морлок.

Они молча шли по песчаному склону, не обращая внимания на глухой вой сервомеханизмов своих

терминаторских доспехов, которые старались совладать с уклоном. Капитаны вместе прошли

ряды вышедших из строя танков Армии и небольших ординайсов Механикума. Большинство

машин были потрепаны непогодой и нуждались в серьезном ремонте и техническом

обслуживании. Оба воина даже не взглянули на измученных солдат. Добравшись до вершины, они

встретились с Рүүтаном, который готовил дивизионы тяжелой поддержки к сокрушительному

залпу. Его рот была плотно сжата, частично из-за свойственной ему суровости, но также из-за того, что

нижнюю половину лица заменяла
аугметика. Большая часть его тела была
кибернетической, и

Рүүтан гордо демонстрировал его вместе
с боевым доспехом. Далеко позади тяжелых
дивизионов

в тареке появились запоздавшие дивизии
Армии, изнуренные маршем.

Десаан не носил шлема, и его голова
выступала над высоким ободом горжета,
между

бочкообразными изгибами наплечников,
как стальной шар. Но пренебрежение было
так заметно в

его тоне, что не было необходимости
смотреть ему в лицо.

-- Наконец, прибывает Армия, -- сказал ему
Сантар.

-- Нам лучше без них.

Рүүтан согласился, обратившись к
Первому капитану: -- Я серьезно обеспокоен
эффективностью

механизированных и пехотных частей
людей. Наше продвижение неизменно

замедляется.

-- Они уязвимы к здешним условиям, брат. Песок и жара разрушительны для ходовой части и

двигателей. Это препятствует нашему наступлению, но я пока не вижу решения.

Ответ Первого капитана должен был смягчить обстановку, даже частично побуждал к этому, но

только вызвал еще большее беспокойство у Железномелого.

-- Я изучу ситуацию, -- наконец, сказал Сантар, удаляясь.

Рүүтан кивнул, а тем временем расчеты минометов-кратов и батареи ракетных установок провели

последние приготовления к стрельбе.

Пренебрежение Железномелого к смертной плоти вытекало из того, что сейчас он был больше

машиной, чем человеком. Несколько ближних боев с гевритами в лесах на Кванге привели к

необходимости обширного применения

кибернетики. Но он ни разу не пожаловался и воспринимал свою бионику стоически.

Десаан молчал, пока они не прошли боевые порядки и не вышли в открытую пустыню.

— А что делать, Габриэль? Некоторые театры военных действий не для простых людей.

Сантар снял шлем с шипением выходящего давления. Лицо было покрыто потом. Он поднял брови.

Позади них постепенно нарастающий гул многочисленных взрывов ракет прерывал слова Первого капитана.

— Значит мы — не люди, Ваакал?

Десаан был стойким приверженцем Железной Веры, которая опиралась на идею «Плоть слаба».

Его явное высокомерие и отсутствие человеческого сочувствия часто переходило в презрение, а иногда и того хуже.

Другой капитан нахмурился, когда рокот
глубоких подземных взрывов встряхнул
песок под их

ногами и обстрел Железномелого сделал
свою работу.

-- Я знаю, ты понимаешь меня, брат, --
продолжил Сантар. -- Мы достаточно
хорошо знаем друг

друга, не так ли? Твой прежний тон
говорил об этом. -- В словах Первого
капитана был упрек,

который Десаан сразу же распознал.

Буона Хенрикоса из Десятой роты
Железных Рук не воодушевило жалкое
состояние дивизий

Армии. Люди были похожи на призраков,
пропахших потом и покрытых соляной
коркой. Они были

изранены и истекали кровью, и были
медленными. Беспредельно медленными.

Даже клавы скитариев Механикута и
батальоны сервиторов пострадали,
главным образом из-за

слабости их элементов из плоти.

Несколько сотен кибернетических существ
были оставлены
ржаветь на пути следования армии;
выбывших из числа сааванских масонитов
тоже бросили там,
где они пали в разорванной армейской
униформе и они были похоронены только
по прихоти

случайных песчаных бурь.
Временный лагерь был поспешно разбит
несколькими оставшимися бригадами
трудоспособных
рабочих сервов. Лазареты занялись
тепловыми ударами и хроническим
обезвоживанием.

Хенрико подсчитал больных и раненых
солдат, лежащих на сеточных и
парусиновых койках в
палатках -- их были сотни. За
исключением редких жалобных стонов, они
уныло молчали. Он не
задержался, не обращая внимания на
группы доганских истяжателей,
опирающихся на пик под

ментами, свисающими с бортов «Хилер»,
на отчаянные попытки механиков-
водителей охладить

двигатели машин; на тихие проклятья
людей, счищающих со своего оружия копы
утраченного

песка. Один седой полковник, жуящий
пластинку табака, коснулся фуражки,
приветствуя

костогесантника. Он выглядел
измученным, как и его люди. Но когда
Железнодорожник прошел

сквозь толпу покрытых волдырями,
обгоревших солдат, которые едва могли
говорить

пересохшими губами и раздвинутыми
языками, он почувствовал толк
сострадания.

Это место было не для людей. Это был ад,
а следовательно, место для таких
выкованных среди

звезд воинов, как он. В отличие от
большинства своих братьев, Хенрико не
обладал полным

комплектom бионических
усовершенствований. Его руку удалили и
заменяли механическим

подобием, согласно ритуалу Легиона, но
остальная часть Седьмого сержанта была
органической.

Он подозревал, что частица сочувствия,
которое он испытывал, пришла от этого
пристрастия к

биологии.

Хенрикос задумался, что если его более
кибернетические братья положили на
алтарь

механической силы и стойкости больше,
чем просто слабость плоти. Не
отказались ли они также и

от части своей человечности?

Хенрикос отбросил мысль, но она все же
осталась в его подсознании.

Палатки лазарета уступили место
меньшим шатрам, которые предоставили
меньше целым

батальонам, но мало спасали от такой
ужасной жары. Фляги быстро передавались

по кругу, но

даже целая цистерна не могла бы
утолить жажду одного солдата, не говоря
уже о целых

дивизиях. Блюстители дисциплины
стояли прямо и непоколебимо, как пример
своих обязанностей, но даже эти обычно
стойкие офицеры слабели. Хенрико
увидел, как один упал на колени, после
чего снова поднялся.

Старый полковник пел, но немногие, кроме
ветеранов подхватили грубую песенку.

В общем и целом это было печальное
зрелище, а ведь они -- только авангард; еще
больше солдат

из состава главных сил все еще тащились
по пустыне.

В конце выровненной песчаной площадки,
которую быстро засыпали наносы,
показалась

командная палатка. Когда Железнодорожный
подойшел к ней, у входа стояли на страже
двое

изнуренных масонитских преторов.

Хенрикос не потребовал пропустить его и даже не удостоил взгляда солдат, проигнорировав их.

Он вошел в палатку и в нос ударил спертый воздух. В углу парусиновой палатки стоял вентилятор, установленный на самый холодный уровень. Работающая на пределе квадратная машина

вибрировала и выла.

Пятнадцать человек в офицерской форме, выглядевшие не лучшим образом, вытянулись перед

вошедшим сержантом.

Один из них — генерал, судя по богатству униформы и сидящему на его плече ручному ястребу с

цилиндром для сообщений, шагнул вперед. Он держал инфопланишет и открыл рот, чтобы

заговорить, но Хенрикос заставил его затолчать поднятой рукой. Он умышленно использовал

кибернетическую.

-- Снимайтесь с лагеря, -- сказал он прямо.
При такой эмоциональности
Железнодорожный мозг
говорить бинарным кодом. -- Все.
Заговорил второй офицер с испуганным
лицом. Его кираса была снята, а мундир
растегнут. Он
явно предпочел бы остаться.

-- Но, милорд, у нас только...

Хенрикоз считал те три секунды, что он
позволил говорить офицеру, как уступку,
которую он не
повторит.

-- Никаких исключений. Легион наступает,
а значит и вы. Соберите свои дивизии или
же можете

обсудить свои возражения с этим. -- Он
постучал по кобуре с болтером на бедре. --
Это приказ

Лорда Мануса.

Только главный медикос был непреклонен.

-- Если мы выступим сейчас, наши больные
и раненые погибнут. -- Он остелелся
бросить

сердитый взгляд через свои очки в
проволочной оправе. К счастью для него
Хенрикос не

воспринял это как вызов его власти.

-- Да, погибнут, -- сказал Железнорукый,
очевидная дрожь сожаления в голосе
удивила его.

Офицеры сели, или точнее рухнули.
Хенрикос взял инфопланишет и одним
взглядом изучил
информацию.

Затем он вышел.

Перед ним раскинулась пустыня, подобная
позолоченному океану, отшлифованному
солнцем.

...

На вершине серповидного холма Феррус
Манус изучал предстоящий маршрут.
Вместе с ним была

группа офицеров, в то время как ряды
легионеров ждали внизу.

Притарх взглянул на географический
гололит, проецированный с планшета в
руке Сантара. Он

изучил широкие дюны, базальтовые
пещеры и бесконечные песчаные равнины в
зеленом

монохроме, после чего повернулся к
пустыне.

-- На горизонте ничего... -- пророкотал он,
но затем прищурился, словно различив то,
что только

он, благодаря хваленому генетическому
происхождению мог увидеть. -- Но в воздухе
есть

помутнение, возмущение...

-- Вероятный теплообмен, милорд, --
сказал Рүүтан, встатриваясь в
выжженную долину

бионическими глазами. Гигроскопические
фокусирующие кольца стрекотали и
щелкали,

фасеточные апертуры клацали снова и
снова в различных конфигурациях, когда
новые спектры

накладывались на его зрение. -- Который
предполагает наличие аванпоста или
бастiona.

-- Я тоже вижу, -- сказал Десаан, анализируя обстановку через визор. -- Вероятно, аванпост каким-то образом замаскирован.

Сантар рассмотрел долину через бинокляры. Она была покрыта скалами цвета кости,

отбеленными солнцем. Некоторые выступали из земли как пальцы скелета или группами,

напоминавая грудную клетку какого-то огромного, но давно умершего хищника. А также символы; ему

казалось, что он видит рунические узоры в расположении скал.

-- Он должен быть там, -- сказал Феррус, прервав мысли Первого капитана.

Пылевой вихрь медленно кружился по дну долины. Сантар посчитал, что увидел крошечные

звездные вспышки в клубящемся облаке и неестественные тени, которые не могли быть вызваны

солнцем. Он моргнул и все исчезло, но

пылевой вихрь сгустился.

Сантар выключил гололит и отдал планшет одному из немногих действующих сервиторов, а

магнокүляры вернул Шагракү Медүзонү.

-- Даже если мы поспешим, наше продвижение по долине будет медленным, -- сказал он, оценивая

все тактические варианты. -- Но обход вокруг впадины займет еще больше времени.

Рүүтан провел быстрое вычисление своей бионикой.

-- Четыре целых восемь десятых километра от места спуска, Первый капитан.

Сантар кивнул Железномеломү, но обратился к притархү.

-- Возвышенность дает больше преимуществ, но вынудит нас двигаться колонной. В долине наши

части смогут рассредоточиться, но будут дольше времени находиться под воздействием врага. В

ней есть что-то невидимое для меня...
угроза.

Феррүс оглянүлся через плечо.

-- Сүеверие үже заразительно, агъютант? --
спросил он, словно погелившись знакомой
шүткой с

Сантаром. Примарх часто делал это.

-- Доверьтесь моим инстинктам,
примарх.

-- За которые я не могу порицать тебя. --

Попытка Феррүса прикинуться не
затронүла его холодных

глаз. Он тоже смотрел на долину, словно
үже үвидел то, что Сантар описал, но
решил

проигнорировать. -- Меня больше не
задержат. Мы пойдем по долине.

-- Послать сначала скаүтов для разведки?
Мы не знаем что там.

-- Нет ни одного, -- ответил Медүзон,
держа в опүщенной, расслабленной руке
болтер. Черты его

үзкого лица были острыми, как клинок, и
когда капитан нахмурился, это

впечатление усилилось.

В разговор двух капитанов вмешался голос Буона Хенрикоса. Сержанта вызвали на

импровизированный совет для того, чтобы выступить от имени дивизий Армии, поскольку ни один

из их офицеров не смог сделать это и при том достаточно быстро для нетерпеливого примарха.

Хенрикос был коренастым воином, с развитой мускулатурой, но пластикой мечника.

Свидетельством этого был медузанский клинок, пристегнутый к бедру.

— У меня есть предложение, милорд, — сказал он, опустившись на одно колено, но задржав

подбородок и выпрямив плечи. Буон получил звание сержанта недавно, и впервые обращался

напрямую к своему повелителю и примарху.

— Встань, — сказал Феррус,

неодобрительно взглянув на
выказывающего почтение сержанта. -- Ни
один из моих сыновей не должен
преклонять колени передо мной, сержант,
если только он не
просит прощения.

-- В рядах Армии есть скауты -- доганские
истязатели, -- сказал Хенрикос,
поднявшись.

-- Мы потратим впустую время, --
вмешался Десаан.

Хенрикос повернулся к нему.

-- Люди имеют важное значение здесь.

Десаан неодобрительно посмотрел на
единственный бионический имплантат
сержанта.

-- Да, этот камень на наших благородных
шеях тянет нас в болото. Они не нужны.
Доверяй железу, не плоти.

-- По-твоему я не доверяю? -- Хенрикос
старательно сохранял свой тон
нейтральным.

Если бы глаза Десаана могли
прищуриться, они бы это сделали.

-- В тебе слишком много плоти, Бион, слабости, которая затуманивает твои мысли.

Хенрикос оцетинился в ответ на очевидное пренебрежение. Он сжал челюсть.

-- Могу заверить тебя, брат-капитан, я отчетливо вижу.

Грохоткий стех, жесткий и полный буйного веселья снял напряженность, как молот, раскалывающий наковальню.

-- Вот это дух, мои сыновья, -- прорычал примарх, -- но придержите свой пыл для врагов. Нет

смысла затуплять клинки друг о друга или той адъютант посрамит вас обоих перед братьями

легионерами, не правда ли?

Выговор был строгий, но лишенный настоящего гнева.

Медузон притирительно шагнул вперед, пока дальнейшие резкие слова между офицерами не

вызвали новую перелену настроения примарха. Взгляд капитана смягчился и теперь мог только колоть, а не пронзать.

-- Мы можем подождать армейские дивизии и объединиться с ними здесь. Вероятно, доганцы будут в авангарде.

Хенрикоз кивнул, соглашаясь.

-- Это воодушевит их и даст им цель, -- сказал он, не обращая внимания на неодобрительное выражение лица Десаана.

-- А какова наша цель? -- спросил Феррүс Манүс. В вопросе примарха звучала резкость. --

Задержек было достаточно. Больше никакого ожидания, -- раздраженно рявкнул он. Долгий,

глубокий выдох покинул его сжатые губы.

-- Собери Легион, Первый капитан, -- сказал Феррүс. -- Мы поведем Морлоков по долине, тяжелые

дивизионы в резерв, чтобы занять высоту

и обеспечить прикрытие для сил,
двигавшихся вниз.

Капитан Медузон, ты поведешь
остальных двумя полубатальонами по
склонам этой

возвышенности и соединишься с нами у
выхода из долины.

Сантар четко отсалютовал своему
повелителю и отправился выполнять
приказы.

Серповидные склоны были широкими и
глубокими, но постепенно снижались ко дну
долины.

Сантар вспомнил тень в песчаной буре и
решил, что Морлоки справятся, что бы
там не
скрывалось.

За исключением одного, все вероятные
местонахождения узла, установленные
Механикумом,

оказались ложными; тиражами, вероятно
созданными эльдарским колдовством.
Усилия Железных

Рук, которые видели, что немногие

дивизии Армии способны поддерживать
темн Легиона и все

больше отстают, вознаграждались
очередной засадой.

Вероятно, что при выслеживании этого
последнего местонахождения будет то же
самое.

Стальной взгляд Ферруса вернулся к
далекому горизонту и дылке, которую он
заметил прежде.

Больше терять время нельзя.

-- Мы спускается немедленно. Армия пусть
проваливается.

Семь разных аванпостов не обнаружили
признаков узла. Следуя координатам
Механикума, Легион

провел несколько ожесточенных боев.
После последнего, Феррус был вынужден
сообщить об

отсутствии прогресса братьям-
примархам. Вулкан был... любезен, даже
предложил помощь,

которую Феррус решительно отверг.
Переговоры с Мортарионом были менее

теплыми. При таком

темпе пройдет не один день, пока силы
легионеров смогут объединиться и
покинуть Огин-Пять

Четыре Четыре. Медленное продвижение
армейских дивизий не способствовал делу.
Феррус не

мог не признать силу их орудий, они были
полезны, но сетовал на слабость людей.
Столь многие

остались позади. Он сомневался, что они
вернутся.

-- Эта пустыня поедает людей, -- горько
подумал он.

Долина внизу была странной. Другие не
замечали этого; она выходила за пределы
их понимания.

Тем не менее, Феррус чувствовал, ощущал
притяжение, которое влекло его к
воображаемой

бездне. Что-то изводило его мысли, за
пределами досягаемости его чувств. Он
хотел схватить его, раздавить в своем
кулаке, но как он мог раздавить

ощущение?

Там на песчаной равнине, на дне долины, оно ждало его.

Возможно, оно всегда ждало.

Трепет, гнев и решимость стенились в одну необходимость.

Встретиться с ним и убить.

Это был путь Горгона, по которому он всегда шел. И так же утром, в этом он был уверен. Никто

никогда не брал над ним вверх. Решимость определяла его.

— Я иду за тобой, — пообещал он, возглавив спуск.

...

Затухающий свет, отражаясь от покостеневших стен их психического святилища, осветил хмурый взгляд на лице первого собеседника.

— Его воля и целеустремленность исключительны.

— Ты по-прежнему считаешь, что он на неверном пути? — спросил другой.

-- Связь близка... -- пробормотал первый.

-- Как ты убедишь его в этом? Мон'кей, в частности люди -- особенно, такой как этот -- недоверчивы

по своей природе.

Когда чары его плана начали соединяться, подобно хромосомам эмбриональной жизненной

формы, первый собеседник сощурился.

-- Тут понадобится хитрость. Он должен поверить, что это его решение. Это единственный способ изменить его путь.

-- Паутина, которую ты плетешь, ущербна.

Первый встретился взглядом со вторым, и вспышка энергии осветила вопрос в его тиндалевидных глазах...

... на который второй охотно ответил.

-- Ты пытаешься превратить камень в воду, заставить его течь по твоему замыслу. Камень не

может сознаться, он может только сломаться.

Первый был непреклонен.

— Тогда я разрушу его и придать новую форму.

...

Когда они приблизились ко дну впадины, воздух стал неподвижным. По обе стороны от Морлоков

поднимались крутые скалы, и широкая долина быстро превратилась в ущелье, в которое едва

проникал солнечный свет.

— Куда мы забрались? — голос Сантара был не на много громче шепота.

Здесь обитала густая, всепоглощающая темнота. Долина превратилась в более суровый, чем

пустыня, ландшафт могильных камней и похожих на крипты монолитов. В тенях песчаные холмы

были почти черными, и Сантар вспомнил слова примарха о его снах. Даже чистое сияние

белоснежных скал потускнело.

Несколько Морлоков оглянулись на изменившиеся окрестности. Все они были ветеранами и

достаточно дисциплинированными, чтобы не реагировать, но Сантар почувствовал, как они

покрепче сжали болтеры.

-- Спокойно, Авернии, -- сказал он по связи, а затем переключился на канал Десаана. -- Держи

своих легионеров наготове, брат-капитан.

Две роты маршировали бок о бок, развернувшись в цепь. Туслые тени и полная тишина в долине

придавали ощущение огромного расстояния между ними.

-- Мы лишились солнца? -- спросил Десаан.

-- Оно такое черное, словно опустилась Старая Ночь.

Сантар поднял глаза. Сфера по-прежнему пылала на небе, но ее свет словно отфильтровывался

через густой туман, став серым и

призлущенным, прежде чем упасть в долину.

-- Я потерял из виду Медузона и Рүүмана, -- добавил капитан.

Сантар задрал голову, но увидеть вершину холма было практически невозможно.

Долина была глубокой, намного глубже, чем выглядела. Вокруг его ног поднимались песчаные

вихри, напоминая железные опилки, скользящие вокруг наковальни. И она была более

протяженной, чем говорил Рүүман, а Железномелый обычно не ошибался в таких вопросах. Но в

этом месте все было необычно.

-- Напоминает Призрачную Землю, -- пророкотал примарх.

Даже без радиосвязи громоподобный голос Ферруса Мануса разносился пронзительным ветром.

Он вдохновлял обе роты. Примарх был стержнем вместе с эскортом своих непоколебимых

препорианцев, включая Габриэля Сантара.

-- Я не вижу призраков, припарх, -- сказал Первый капитан, пытаясь снять напряжение.

На Медузе Призрачная Земля была суровым местом, якобы населенным тенями умерших и

призраками. Подобные разговоры вели суеверные люди, слабые и доверчивые. Железные Руки

считали иначе. В ее непроходимых глубинах были великие обелиски из камня и металла, чье

предназначение было затеряно в веках. Чудовища бродили по ее темным и забытым ущельям, это

было верно. И безумие охотилось на ее бесконечных равнинах за опростачивыми и безрассудными. Сравнение выходило неутешительным.

-- Призраки здесь, -- сказал Феррус, добавив холода к уже ледяному воздуху. -- Мы просто их еще

не видим. -- И когда вихри начали
сгущаться в шторм, он добавил: --
Соткнуть ряды по фронту и в
глубину.

Долина полностью изменилась, Сантар не
узнавал ее. Тени, отбрасываемые от
похожих на

скелеты скал, вытянулись в когти и
потянулись к Железным Рукам, медленно
окружая их.

-- Почему я не узнаю это место? -- спросил
он самого себя.

Радиоканал Десаана затрещал помехами.

-- Потому что... оно... другое.

-- Лорг Манус, -- сказал Сантар, чувство
угрозы внезапно стало осязаемым.

Феррус не взглянул на него.

-- Не останавливается. Мы не можем
повернуть назад. -- Тон примарха
подсказывал: он знал, что

они попали в ловушку. -- Эльдары поймали
нас, но им не удержать Железных Руки.

Ветер усиливался, как и шторм. Он
отнимал у голоса примарха его силу. В

этот же момент шторм

обрушился на Морлоков без предупреждения и тяжелый топот многочисленных ног затих.

Буря ударила по ним, как молот и за несколько секунд две роты были поглощены ею.

Немедленно потухло солнце, затерявшись в визжащей тьме.

Несколько мгновений спустя хлещущие песчинки исцарапали доспех Сантара, как клинки. Он

слышал скрип песка о металл, но проигнорировал незначительное повреждение боевого доспеха,

когда доклад об этом появился на ретинальных линзах шлема. Обнажив толстые когти, Сантар

попытался рассеять черную трясину и обнаружил, что она не поддается. Он словно резал землю,

вот только это был воздух.

-- Держаться вместе, -- передал он по каналу связи, -- наступает, как один.

В этот раз ответило меньше подтверждений. Тактический дисплей был неисправен, а

биосканирующие маркеры отмечали позиции боевых братьев с перебойми. Насколько капитан мог

сказать строй сохранялся, но он не знал, как долго это будет продолжаться. Сантар чувствовал, что ситуация скорее ухудшится, чем наоборот. Песок забил дыхательную решетку шлема, царапая язык. У него был вкус перла и смерти. Медный запах покалывал ноздри.

— Вместе как один, — повторил он.

Его акустический сенсорium зарегистрировал далекий визг, заглушивший сильные помехи радиосвязи. Он звучал не как ветер, или, по крайней мере, не просто как ветер. На тактическом дисплее появлялся и исчезал поток непонятных сведений.

— Оружие к бою, — приказал он, выискивая врага. Черный песок ухудшал обзор, делая

невозможным захват целей. Воящий
принеб заглүшал ответы сержантов и
капитанов. Когда

помехи связи снижались, время от
времени появлялись символы
подтверждения.

Сантар едва мог различить силуэт
притарха всего в нескольких метрах перед
собой.

-- Лорг Манүс, -- позвал он, прежде чем
Феррүс затерялся в шторме.

Сначала ответа не было, но затем до него
дошел слабый отклик.

-- Вперед! Мы прорвется или үтрем.

Сантар хотел сплотиться; создать
оборонительный кордон и ждаты окончания
бүри, но она не

была обычным природным явлением.
Первый капитан был үверен, что задержка
вызовет

смертельные последствия. Он двинулся
вперед.

На его ретинальном дисплее что-то
мигнуло. Это была тепловая сигнатура,

слабая, но довольно

отчетливая, чтобы локализовать ее.

Он повернул голову, доспех "Катафракта" был непривычно громоздким, и увидел ...
лицо.

Оно было нечеловеческим, кожа плотно
обтягивала слишком глиняный череп.
Подбородок и скулы

были угловатыми и заостренными, а
глаза почти пустыми.

-- Во имя Императора... -- прошептал он,
осознав, что смертельные лица подобно
косяку

плотоядных рыб наводнили их ряды,
бесплотные и злобеще светящиеся посреди
шторма.

-- Враз! -- заревел Сантар. Он надеялся,
что связь передаст его предупреждение.

Морлоки открыли огонь из болтеров, и
загретело стаккато резких выстрелов.
Дульные вспышки

были похожи на тусклый свет сигнальных
ракет, приглушенный ураганным ветром.

Абсолютно чужое лицо отступило в

темноту перед Сантаром. Оно влекло его за собой, шаг за шагом.

-- Атакүем!

Он нанес удар, энергия слетала с его клинков зазубренными лазурными всполохами, но разрезала только воздух.

-- Обнаружено движение, -- услышал Сантар по радиосвязи, но не смог установить говорившего, так как масса голосов отвлекала его внимание.

-- Контакт, -- прокричало эхо другого, также безымянного для Первого капитана, хотя он

десятилетия знал и сражался рядом с этими воинами.

Железные Руки всерьез взялись за отражение атаки и из их строя вырывались плотные болтерные очереди.

-- Десаан, докладывай, -- закричал Сантар, когда слева от него мелькнуло что-то

нестественно

быстрое, проследить за которым было невозможно. Он повернулся, когда вторая фигура

скользнула в его ограниченном периферийном зрении справа. Она бросила на него взгляд, и у

Сантара остался смутный образ призрачного лица.

Лорд Манус был прав; здесь были призраки, которые ждали их в темноте и теперь их терпение

закончилось. В воде была кровь.

-- Неизвестный... противник. -- Ответ Десаана был прерывистым, но четким. -- Нельзя точно

определить... дислокации... атакуют... много контактов...

Следов примарха не было. Впереди была тьма, как и сзади и с любого другого направления.

Ориентироваться в такой ситуации было невозможно, поэтому Сантар решил держаться.

-- Удерживать позицию, -- передал он по связи. -- Они пытаются разделить нас.

Он пытался найти своего повелителя, но ничего не мог разглядеть за темнотой ни глазами, ни сенсорами.

Прерванный ответ Десаана запоздал и только утешил Сантара. Морлоки были разделены,

поглощены штормом, а Лорда Мануса отделили от остального Легиона. Их сила и стойкость были

поставлены под сомнение за одно мгновение опротестивости.

Сантар выругал себя за нехватку предусмотрительности. Он должен был настоять на том, чтобы

обойти долину или подождать тщательной разведки района, но примарх не стал бы колебаться.

Он словно бросился напрямик к какому-то року, который только он мог видеть. Сантар был ближе

любого из Железных Рук к своему

повелителю, но даже он не был посвящен в
глубинные мысли
примарха.

Резкий вопль, пронзительный и на
несколько октав выше звука шторма,
прорезал воздух. От него

голова Сантара затряслась, несмотря на
защиту боевого шлема. У него сильно
закружилась

голова и он зашатался. Непроницаемые
помехи полностью вывели из строя связь,
хотя он и так не

мог напрячь голос для отдачи приказа.

Сантар почувствовал кровь во рту и
выплюнул ее на внутреннюю поверхность
шлема. Он

заскрежетал окровавленными зубами.

Будь как железо.

Сбивающие с ног колебания пронесли по
костям с увеличивающейся мощностью
тинометного огня.

Он снова пошатнулся, но удержался на
ногах. Упав он сейчас и, несомненно, был
бы мертв. Ни

один воин в доспехах "Катафракта" не
сможет подняться без посторонней
помощи. А в темноте
крались больше чем просто призраки.
Перед акустической атакой он заметил
острые клинки,
гибких и похожих на призраков воинов.
Обретая внутреннюю стойкость, Сантар
огляделся в поисках
врагов.
Неуклюжие, бронированные силуэты
тяжело шагали сквозь туман. Это
наступали его Морлоки,
медленно и почти увязнув в грязи.
Ужасный вопль пронесся сквозь его боль,
предвещающая болтерную очередь, ударившую
по его
правому боку. Сантар проигнорировал его,
вместо этого услышав внезапное шептание
воздуха
слева от себя.
Нашел тебя...
Защитный инстинкт позволил Сантару
парировать клинок, летевший к его

шее, и, наконец, он

хорошо рассмотрел нападвшего.

Эльдар носил маску, того же цвета белой
кости, что и сегментированный доспех. Из-
под нее

выбивалась грива черных волос. Судя по
форме панциря, это была женщина, а не
какой-то

призрак. Длинный и изогнутый меч был
выкован и заточен смертоносным раздумом.
Раскаленные

искры посыпались с клинка, когда он
заскрежетал о толстые когти Сантара.

Она была частью шторма, и в то же
самое время отделена от него, сметиваясь
по желанию с

кружащимся ветром. Оставив в воздухе за
собой исчезающий след из зазубренных
сполохов, она

вышла из боя.

Сантар был наготове, не обращая
внимания на то, что говорили ему
ретикулярные линзы и

доверившись инстинктам. Следующая

атака была очень мощной. Меч лязгнул о
его молниевый

коготь, и он ощутил этот удар по всей
руке до плеча. Она сердито взглянула на
Сантара,

разъяренная его сопротивлением, и
испустила адский визг из маски, вынудив
Первого капитана

сжать зубы. Выдержав звуковую атаку, он
сделал вынос другим когтем и блокировал
костьяной меч

эльдара.

В ее другой руке появился пистолет, но
пули без вреда срикошетировали от
доспеха Сантара,

подобно слабым укусам котара.

Вырвавшийся из ротовой решетки
скрипящий стех удивил его.

Бросив пистолет, она схватила меч
обеими руками, пытаясь высвободить его.
Пока меч был в

захвате, она не могла отступить, а без
него будет разрублена. Даже эльдары не
были быстрее

толнии.

-- Ты не такая уж и страшная, -- проворчал сквозь стиснутые зубы Сантар, когда она испустила еще

один адский визг ему в лицо. Превосходящая сила Первого капитана говорила не в пользу

давящего меча чужого, и его бионика зарычала в предвкушении триумфа. -- Я страшнее.

Сантар разрубил ее оружие пополам собственными молниевыми когтями.

Отколотая половина

клинка отлетела в незащищенную грудь воина и пронзила ее. Она отступила в шторм и тут же

исчезла в нем.

Засада колебалась, и Сантар был уверен, что сама темнота отступит, когда стихнет шторм.

Несколько Морлоков лежали неподвижно там, где их пронзили клинками или были сражены воином,

но остальные сплотились. Даже связь

вернулась.

-- Ты жив, Первый капитан: -- Это был Десаан, приглушенный звук его болтера раздавался позади

Сантара.

-- Жив и разгневан, брат-капитан, -- ответил Сантар, потроша очередного призрачного воина. Он

вырвал клинки из ее спины с доставляющим удовольствие звуком разрываемой плоти, когда его

левая рука онемела. Он попытался ее высвободить, но она не пошевелилась.

-- Что-то не так. Брат, я... -- Паралич сковал его бионикю, словно она просто перестала

действовать. Его ноги, тоже механические, заблокировались. -- Я не могу..., -- боль от этого была

невероятной, и он прошептал последнее слово, -- ...двигаться.

Разыскивая союзников, он обнаружил только две бесплотные таски, направившиеся к нему. Их

лица сияли магическим огнем, они
безжалостно устехнулись и прошипели
что-то мстительное на
своем языке.

-- Я могу убить вас обеих... одной рукой, --
пообещал Сантар, но почувствовал
трещину в своей
уверенности, когда они начали кружиться
вокруг него.

Что-то раздалось по радиосвязи,
отвлекая его внимание от призрачных
воинов, когда те
прибыли. Он узнал скорбный крик
своего товарища капитана.

Между кружащимися фигурами эльдаров
он тельком увидел Десаана, который
неуверенно брел

через темноту и неистово стрелял.
Случайная очередь поразила одного из
Морлоков, ослабив его

защиту, благодаря чему другой
призрачный воин смог вонзить меч в
сочленение бедра,

соединяющее нагрудник с пахом.

Железнодорожный осел, затем шторм скрыл его из виду.

-- Десаан! -- Предполагаемые убийцы Сантара были рядом. -- Следы за стрельбой, брат. -- Он не мог позволить себе отвлечься. Десаан шатался, не контролируя секторы обстрела своего болтера.

-- Десаан!

Он был похож на...

-- Ослеп, Первый капитан, -- пробормотал ошеломленный Десаан. -- Я не... вижу... -- Его рука

безвольно висела. Другие также были поражены, Морлоки уничтожались именно тем, что давало им силу.

Плоть слаба. Мантра вернулась к Сантару с насмешливой иронией.

Эльдары что-то сделали с нити, сотворили какое-то страшное колдовство, чтобы навредить их

кибернетике. Все Морлоки обладали обширной бионикой.

Сантар пристально посмотрел на призрачных воинов, которые размахивали мечами, обещая разрубить.

-- Давайте, -- невнятно произнес он. Его сердце могло быть таким же беззащитным для их клинков.

Призрачные воины остановились посреди шторма в наполовину реальном состоянии. Они

одновременно размылись. Двое стали множеством, и их неприятный стех раздавался сквозь вой,

который беспрестанно изводил Сантара.

-- Давайте! -- прорычал он. -- Сражайтесь со мной!

Глаза одного прищурились под маской, и Сантар проследил за его взглядом к своей парализованной руке. Только вот она снова двигалась, но не по желанию Первого капитана. Но

лезвиям молниевых когтей затрещала энергия, достаточно лютая, чтобы разорвать боевой

доспех. Очарование и неверие слились в ужас, когда Сантар понял, что когти поворачиваются

внутрь... к его шее.

Он сжал свою взбунтовавшуюся кисть другой рукой, а тем временем стех чужаков вырос до звона

в ушах. Капли пота покрыли его лицо, когда мышцы шеи и плеча вздулись от усилий сдержатъ

чужую руку, которая пыталась его убить.

Быть убитым собственной рукой, в этом не было чести. Это была жалкая смерть и эльдары знали

об этом.

-- Трон... -- прошептал он. Даже визг бионики звучал иначе, как-то агрессивно.

-- Сражайся! -- подстегнул он, но связь между машиной и плотью была далека от симбиотической.

Одно почти расценивалось как зараза в ущерб другому, но теперь это благо взбунтовалось и

стало проклятьем.

Актинический запах сожженного металла наполнил его респиратор, когда кончики энергетических

клинков прикоснулись к краю горжета. Сантар прикинул, что им понадобится один решительный

удар, чтобы пробить броню и разорвать шею. В лучшем случае у него есть несколько секунд.

Сантар охрип от своего ревущего вызова, но его усилия шли на спад.

Он закрыл глаза и его голос ушел до шепота перед лицом неизбежного.

-- Примарх...

...

Феррүс был один; был только он и шторм. Затем он надел боевой шлем, но не увидел на

ретиальном дисплее признаков своего Легиона, поэтому не стал тратить время, вызывая их по

радиосвязи. Последний контакт у него был с Габриэлем Сантаром, который отчаянно требовал от

них держаться вместе.

Вперед, двигайся вперед.

Побуждение были слишком сильными, чтобы ему сопротивляться. Они зашли далеко. Какой бы

ужас не скрывала эта пустыня, какую бы жестокую правду его не позвали сюда увидеть, он больше

не мог это отрицать.

Это не был обычный шторм. Он слишком напоминал ему сны, и был насыщен метафорами из его

бурного прошлого и символическими канканами возможного будущего. Феррүс слышал голоса в

хлещущем ветре, но ни звуков битвы, ни боевых кличей.

Я ждал битвы.

Феррүс не мог понять их смысл, но чувствовал, что слова важны.

Радиосвязь отключилась. В ее каналах не было даже помех. Он стирался и с этим тоже, и

продолжил идти. Что бы это ни было,

какой бы рок или осколок судьбы ни привел
его сюда, он

встретит ее с открытым забралом.

Глаза...похожие на змеиные щели следят
за мной. Я слышу шипение ее языка,
подобно

рассекающему ветер ножу. Это тот
самый нож, который я ощущаю на своем
горле.

Воспоминание вернулось.

После ухода с сухопутного корабля, он
снова говорил с Мортарионом или скорее
брат говорил с

ним. Другой примарх оставил в нем
занозу, которую Феррус не смог легко
забыть или заглушить.

-- Если ты недостаточно силен, -- сказал
Мортарион. -- Если ты не сможешь
закончить это
сам...

-- Помочь мне? -- заревел он равнодушной
буре. Ветер настежался в ответ. -- Мне не
нужна

помощь. -- Он застегнулся безжалостным и

ужасным стехом. -- Я силен, я -- Горгон.

Феррус побежал, хотя не мог вспомнить, чтобы ускорялся так решительно и беспричинно. Но он

бежал так быстро, насколько позволяли его конечности. Казалось, тьма песчаной равнины только

растянулась, когда земля и небеса слились воедино.

-- Ты не сложешь поточь мне, -- закричал он, когда его захватило ощущение полета, а затем падения.

И на много более тихим голосом, затерявшись в его подсознании, -- ... никто не сможет.

...

Двое легионеров выдвигались на насыпи золотого песка, встатриваясь в плену темноты.

Перед ними черное облако окружило Морлоков, как чернило на воде.

Буон Хенрикос едва мог поверить в то, что говорили ему глаза и задался

вопросом, видят ли его

улучшенные акустикой братья то же самое.

-- Что это?

Брат Таркан расширил апертуру бионического глаза, увеличив его фокуснейшейшими

движениями лицевых мышц. Каждая корректировка давала тот же результат.

-- Безрезультатно.

-- Оно искусственное, -- ответил Хенрикс, поднявшись.

Пока он не перегруппировался с капитаном Медузонам, половина батальона подчинялась ему.

Чем бы эта темнота ни была, он должен будет разбираться с ней сам. Сержант попытался

воспользоваться связью, но она была подавлена каким-то психическим штормом, бушующем во вселенной.

-- У него есть когти, брат-сержант, -- сказал Таркан.

Двести пятьдесят легионеров -- всего
часть Десятой Железной -- ждали команды
Хенрикоса.

Вооруженные болтерами и наполненные
яростью, они не двигались, остановленные
тьмой. К

сожалению, у них не было ни одного
дизвиона гравциклов, чтобы обойти
шторм и лучше его

оценить. Не в первый раз Хенрикос
задумался об отсутствии тактической
гибкости в Легионе.

-- Вот оно что, -- сказал он, изучив
горизонт и колонны скал, которые
возвышались над

погрузившейся во тьму долиной. Сержант
был достаточно близко, чтобы коснуться
его и протянул

железную руку. Завихрение кружащего
песка безвредно звякнуло о металл, и когда
Хенрикос

поднял взгляд, то обнаружил то, что
искал над штормом. Темнотой управляла
высокая, худая

фигура в серо-коричневой мантии. У нее
был магический посох, покрытый чужими
рунами и

инкрустированный драгоценными
камнями.

-- Брат Таркан, -- сказал сержант
скрипучим голосом, обещавшим возмездие,
-- уберу эту грязь.

Таркан был снайпером одного из подобных
отделений в Десятой, и он обращался со
своей

длинноствольной винтовкой с изяществом
стрелка. Оружие было приспособлено под
его руки, и

имело оптический прицел, который был
соединен с бионическим глазом Таркана и
обеспечивал

надежную связь между стрелком и целью.

Прильнув к прицелу, Таркан навел зеленое
перекрестие на голову эльгара в шлеме и
выстрелил.

Выход пули качнул оружие, но Таркан
тут же сбалансировал его. По-прежнему
следа через

прицел, он ухмыльнулся с безраздастными
удовлетворением, когда череп чужого
взорвался и тот

упал со столба без головы и большей
части верха туловища.

Он закинул винтовку на спину.

-- Цель уничтожена, брат-сержант.

Хенрикос поднял кулак и остальной
полубатальон поднялся на склон.

Задерживаться в этом месте не было
смысла.

-- Вперед, во имя Горгона.

Двести пятьдесят воинов двинулись в
рассеивающийся шторм.

Что-то помешало Хенрикосу, когда он
вошел в полутрак. Это был сбой
механизмов в его

бионической руке. Сержант хотел, чтобы
она была расслабленной и готовой
выхватить клинок, но

рука сжалась в кулак. Он заставил ее
разжаться, не понимая причины
неисправности, и

приблизился к пораженным Морлокам.

Хенрикос остановился, когда увидел, что они делают груз с грузом.

У одного легионера в груди застрял собственный эвисцератор. Окровавленные зубы меча

вращались. Он пытался одной рукой помешать клинку погрузиться глубже, в то время как другая --

кибернетическая толкала меч дальше. Другой воин лежал неподвижно, шлем был смят

собственной силовой булавой. Багровая жидкость вытекала из трещин в лужу вокруг головы.

Некоторые пошатывались, наполовину ослепленные, или же были прикованы к земле

нефункционирующими ногами. Бионические руки обхватывали горла из плоти и душили своих

носителей. Повсюду были вызывающие ужас признаки машинной бойни.

Сила веры Железных Рука была обращена

против них.

Кратковременная пауза Хенрикоса была вызвана желанием сохранить свою половину батальона и

не усугубить и без того тяжелое положение, но какой бы недуг не поразил Морлоков, он пока еще

не коснулся Десятой Железной.

-- Капитан! -- Хенрикос с возрожденной энергией медленно направился в шторм. Позади него

развернулись его братья, втесываясь по возможности и не давая самокалечению зайти дальше

текущего состояния.

-- Я вижу! -- ответил Медузон. -- Клянусь мечом Императора, я вижу... Останови их, брат. Спаси от

сатих себя, если сможешь.

Связь отключилась на короткое мгновение, и именно тогда Десаан попал в поле зрения Хенрикоса.

Кибернетическая рука сжимала зазубренный боевой нож, а он боролся с

накил-то невидимым

врагом, который пытался вонзить клинок ему в лицо.

Хенрикос добрался до него, когда мономолекулярный нож почти пронзил плоть.

Его железные пальцы сжались на кисти Десаана, крепко удерживая ее.

-- Держись, брат! -- закричал он, пытаясь взять оружие под свой контроль. Пока Хенрикос боролся, он увидел лица в темноте. Они были быстрыми и нематериальными, как обрывки ледяного тумана, учитывая их призрачный облик. За одним устремилась болтерная очередь, но призрак

растворился, прежде чем она достигла его. Раздался многочисленный настешливый вой,

вызвавший отвращение у сержанта.

-- Вион, это ты? Я не вижу, брат. -- Голос Десаана был наполнен болью.

Его визор был тмен, как железная повязка на глазах.

-- Сражайся, брат-капитан! -- призвал Хенрикос, но бионическая сила Десаана была невообразима.

Даже вдвоем они проигрывали, и клинок сдвинулся немого ближе, пронзая плоть.

-- Быть выпотрошенным собственным боевым ножом, -- сказал Десаан с болезненной гримасой. --

Не так славно, как я надеялся.

-- Ты еще жив, -- заверил Хенрикос. -- Отклонись...

Отпустив руку Десаана, он выхватил свой медузанский клинок и насытил его энергией. Это заняло

у него на несколько секунд больше, чем должно было, его железная рука сопротивлялась ему.

Скоро это и до нас доберется.

-- Что ты делаешь?

-- То, что должен. -- Визг разрезаемого металла заглушил рев, когда Хенрикос начал отпиливать

руку капитана.

Десаан из всех сил старался не двигаться

и молчать.

-- Если ты поскользнешься... -- прорычал он сквозь стиснутые зубы.

-- Ты потеряешь голову, -- ответил Хенрикос и продолжил резать.

Вокруг них отступали призраки, растворяясь вместе со штормом. Как и колдовская власть над кибернетикой Железных Рук.

Последние кабели и сервомеханизмы отделились в потоке масла и искр, оставив только наруч.

Хенрикос, покрытый каплями пота, резко остановился и двое Железных Рук одновременно выдохнули.

Ветер нес прерывистые звуки болтерной стрельбы, становившейся все интенсивнее с каждой

минутой. Шторм затихал и призраки исчезли. К вышедшим из строя Морлокам вернулась

боеспособность, но осевший песок показал высокую цену, заплаченную за это.

На земле лежало несколько терминаторов, пронзенных собственными мечами и сраженных

своими булавами. По крайней мере, еще трое были убиты призрачными воинами.

Многие

получили ранения.

Зрение вернулось, Десаан поморщился при виде отсеченной конечности, но благодарно кивнул

сержанту.

-- Рассудительность не всегда моя сильнейшая черта.

-- Ты высказал свою точку зрения, я -- свою. Больше не о чем говорить.

Каждый быстро отдал честь, и вопрос был улажен.

Десаан снова кивнул, а потом оглянулся.

Убитых врагов не было видно.

-- Здесь вообще был бой? -- спросил Медузон, когда перегруппировал Десятую Железную.

-- Я поразил одного и он не мог выжить, -- сказал Десаан.

-- Как и я. Его голова оторвалась от тела,

-- сказал присоединившийся к ним Таркан.

Десаан нахмурился.

-- Даже их смерть труслива. Они все исчезли.

Разговор прекратился, когда из рассеивающейся темноты появилась фигура. Горжет и левый

наплечник были отмечены ужасными повреждениями, которые лишили бы его головы, будь они на

сантиметр ближе к груди. Четыре глубокие борозды были оставлены энергетическим оружием.

-- Как и примарх, -- сказал Габриэль Сантар. -- Лорд Манус пропал.

Воля железа

-- Он не мог погибнуть.

В тоне Медузона была нотка сомнения, из-за чего Сантар стиснул зубы.

-- Предательский удар... -- пробормотал Десаан. Они все были страшно уязвимы в долине, но он

тут же отверг замечание.

-- Горгона нельзя убить, -- заявил он более громко. -- Ни один вероломный клинок труса даже не

сможет пробить его кожу. Это невозможно.

-- Тогда где он? -- спросил Медузон.

Хотя пустынная долина вернулась к своему естественному облику, в ней по-прежнему было полно

расщелин, скал и разбросанных валунов. Даже беглая оценка давала больше двух дюжин

возможных участков, где примарх мог столкнуться с вероломством врага.

Десаан понял, что не может ответить.

Сантар проследил за его взглядом и включил радиоканал. Несомненно, ничто такое обычное, как

ловушка не могло убить Горгона.

-- Железномелый?

Рүүтан был все еще на линии хребта, медленно направляя свои дивизионы тяжелой поддержки к

впадине, наблюдать за которой больше не было необходимости.

-- Ничего не видно, Первый капитан. И я не могу прицелиться в ваших призрачных врагов, --

добавил уныло.

-- И сейчас? -- спросил Сантар, когда остальные офицеры собрались вокруг него.

-- Огромная и золотая равнина, но нет следов нашего примарха. Или его стерли.

Сантар отключил связь. Его лицо походило на отшлифованное железо.

-- Лорда Мануса нельзя убить, -- заявил он, взглянув на Десаана, -- но я не брошу его. Если

эльдары добрались до него, если каким-то образом поймали в ловушку, тогда мне жаль этих

глупцов. Они схватили расплавленный клинок голыми руками и сгорят из-за этого.

Его сердитый взгляд нашел Медузона.

-- Капитан, командуй батальонами. Направь их к местонахождению последнего

узла и подтверди

его наличие. Я останусь с пятьюдесятью воинами, чтобы начать поиск нашего повелителя.

-- Мы все еще можем объединиться, подождать Армию и направить их на поиски? -- сказал

Медузон.

Сантар был настойчив.

-- Нет. Если они доберутся до нас, тогда я использую их соответственно. В противном случае, я

хочу следовать приказам Лорда Мануса и найти узел.

Кивнув, Медузон отправился собирать Легион, а Сантар пошел к своему товарищу и заместителю.

-- Дай мне пятьдесят своих лучших воинов. Приведи Таркана и его снайперов, а также Хенрикоса.

Остальные пойдут с Медузона под его командованием, пока я не вернусь. Понятно?

-- Да, Первый капитан.

Десаан задержался.

-- Я что-то пропустил, брат-капитан? --
спросил Сантар.

-- Где он, Габриэль?

Пока остальные легионеры готовились,
Сантар оглядел бесконечную пустыню.

-- Поблизости, надеюсь.

-- А если нет?

-- Тогда я буду верить, что наш лорд
сможет выбраться из любых передряг,
которые с ним

приключились. Ты должен сделать то же
самое.

-- Дело в штурме, Габриэль. Мы сражались
с чем-то неестественным. В песках есть
невидимые

враги.

-- Мир вокруг нас меняется, Ваакал. Ты и
я видели это.

-- Некоторые вещи нужно оставлять в
темноте. Я не предвкусываю их
возвращение.

Молчание Сантара намекало на его согласие.

Мир, вся галактика тенялась. Они чувствовали это, все Легионес Астартес чувствовали. Сантар

размышлял, по этой ли причине Император вернулся на Терру, и что это значило для их будущего.

Даже любимые сыновья Императора не знали, и Габриэль видел, как сказывается на его

собственном отце вызванная этим боль.

Ожидая Десаана, который отправился собирать поисковой отряд, он прикоснулся к

собственноручно сделанным выемкам на боевом доспехе и задумался над верой Железных Рука в

бионику. Кто бы ни были эти враги, они знали сильные стороны Легиона и как им противостоять.

Плоть и железо были мощным сплавом, но, как в каждом сплаве, чтобы добиться идеальнойковки, нужен верный баланс. В

этот момент их металл выглядел
дефектным. Возможно, Медузон был
прав на счет объединения.

Теперь это не имело значения. Они были
растянуты, но побеждают. Это был путь
Железных Рукав.

Перед ними стояли пятьдесят легионеров,
жаждущих действия, и он встретил их
пристальный
взгляд.

Кто-то или что-то захватило примарха.
Сантару необходимо было знать, где и
почему. И если он

должен убить каждого ксеноса,
прячущегося под камнями по всей пустыне,
он это сделает.

-- Квадрант за квадрантом, -- прорычал он.
-- Не оставляйте ни камня, братья. Вы --
личные

преторианцы примарха. Действуйте как
он. Найдите его.

...

Феррус Манус не чувствовал себя
заблудившимся, и тем не менее это место

было незнакомо ему.

Это была пещера, огромное и отражающее эхо пространство, которое вело в бесконечную

темноту. Длинная, неровная трещина раскалывала сводчатый потолок, и он предположил, что

упал в незамеченную расщелину в пустыне.

Тусклый солнечный свет проникал сквозь трещину, но растворялся во тьме.

Он несколько раз попытался вызвать Морлоков, но радиосвязь не работала. Не было даже помех.

От ретинальных линз было мало пользы, и после нескольких серий пустых сведений он снял

боевой шлем.

— Насколько глубоко я нахожусь? — поинтересовался он вслух. Эхо отсутствовало, несмотря на

огромные размеры пещеры. Воздух был свеж и холоден. Он чувствовал его ласковое прикосновение к коже, но в воздухе был сильный запах масла и чего-то еще...

благоговения. Аромат

был приторным, абсолютной
противоположностью того, к чему он
привык. Это было разложение и
гедонизм; настолько далекое от
твердости и дисциплины, насколько было
возможно.

Когда его улучшенное зрение
присоединилось к другим чувствам, ему
медленно раскрылось

больше деталей окружающей обстановки:
колонны, лунные остатки резных фресок
и широкие

триумфальные арки, сделанные из камня.
Он увидел монолитные скульптуры. Все
они были

человеческими, но он не узнал ни лиц, ни
облачения. Каменные незнакомцы
смотрели на него

свысока разрушенными временем лицами.
Один -- благородный воин без головы --
обвиняющее

указывал на него пальцем.

-- Я не рубил твою голову, брат, -- сказал

Феррүс и зашагал прочь.

Как и его голос, шаги Феррүса не оставляли эхо и он предположил, что это из-за некой

особенности геологии. Феррүс провел некоторое время с братом Вулканом, который просветил его

о достоинствах и отличиях земли и камня.

- - Покажи мне, как превратить его в нечто функциональное и полезное, -- ответил он, к большой

досаде другого притарха. -- В противном случае, в чем смысл?

Горгон и Дракон были похожими и, тем не менее, такими разными.

Феррүс последовал за ветром, надеясь, что он приведет его к какой-нибудь трещине, которую он

мог бы расколоть и таким образом соединиться со своим Легионом. Бриз вывел его из огромной

пещеры в широкую галерею, которая, однако, напоминала какое-то затонувшее

королевство

Старой Земли. Колонны подчеркивали
глинный темный путь и поднимались к
высокому потолку,

который исчезал во тьме. Земля под
ногами была темной. Стояла вонь непла-
кратория и

сожженной плоти. Смертного это могло
вывести из себя, но Феррус далеко ушел от
подобной

слабости рожденных во плоти.

Черный песок...

Мысль пришла незваной, когда он
посмотрел на свои ноги.

Точно, как в долине.

-- Возможно, гробница или тавзoley, --
вслух посчитал он. Но здесь не было ни
крипт, ни даже

реликвария, только галерея, которая
воняла смертью.

Куски отражающего обсидиана, черного
как земля, мерцали в свете кристаллов,
когда Феррус

тиновал галерею. Он мельком увидел что-

то, или скорее часть образа, в прозрачном
катне. В

бездонной тьме пылал огромный пожар, и
что-то еще... Оно было знакомым, и в то
же время
чужим.

Словно хватаясь за разбитые осколки сна,
Феррүс не мог удержать образ целиком
достаточно

долго, чтобы четко разглядеть. Где бы он
ни остановился для лучшего обзора,
обсидиан отражал

только лицо примарха, суровое и
раздраженное.

Возможно, это был очередной каприз
света и геологии этого места.
Несомненно, в нем было что-
то уникальное.

Феррүс сопротивлялся порыву извлечь
Сокрушитель Наковален и разнести
камень на куски, зная, что ничего не
добьется этим, и отогнал желание.

«Меня не проведешь так легко», — подумал
он и упрямо продолжил путь.

Он почти вышел из глинной галереи, когда что-то еще кольнуло чувства примарха.

Феррус услышал... плач.

Может быть, проделка ветра? Он не чувствовал душевного, но звук разносился довольно легко.

Это была скорбная песня, нечто столь злое, что просачивалась в его душу и наливалась

свинцом конечности. Примарху не приходилось когда-либо испытывать печаль. Она причиняла

ему боль при утрате сыновей в битве, но это был риск, неотъемлемый при том назначении, ради

которого их создали. Он принимал его. Он никогда не чувствовал истинную утрату и вот теперь она

овладела им, видимость реальной. Его разум наполнили образы братьев, убитых или близких к

смерти, трюн его отца.

-- Что это?

Гнев вытеснил печаль, когда Феррус понял, что стал жертвой очередного колдовства чужих. Он не

поддался ему, вернув силу в свое тело только для того, чтобы печальная песня изменилась в что-

то еще, нечто худшее. В воздухе звучали предсмертные крики, словно в этом мрачном месте

задержались какие-то призраки, вновь переживая свои последние мгновения перед смертью.

-- Выходи! -- потребовал Феррус, разыскивая колдuna, который изводил его своими чарами. --

Покажись или я разорву это место на части, чтобы найти тебя.

Его вызову ответил низкий скрежет далеких двигателей, режущее слух крещендо интенсивной

стрельбы и дикие вопли воинов. Тысячи звуков битвы стесались в ужасающую какофонию,

принуждая к убийству и смерти. Вокруг

примарха развернулась картина битвы, и только ее он мог

слышать, да и то с огромной дистанции, возможно через само время. Феррису не было

необходимости видеть ее, чтобы понять, где бы и когда она не происходила, это было

Пока иллюзорная война продолжалась, он распознал голос, от которого у него застыла кровь.

Губы примарха покинул скрежет, слабый, подходящий повелителю битвы.

-- Габриэль...

Он остановился и попытался прислушаться, надеясь, что таким образом опровергнет свои

подозрения, но грохот стих и вместо него помещение наполнила тишина.

Дыхание, слабое и частое. Под боевым гонимым, выкованным собственноручно полубогом,

тяжело поднималась грудь. Окружившая его внезапная тишина вызвала у Ферруса

новую и

нежеланную тревогу.

Маленький шаг, неуверенный и
осторожный, снова вызвал ад в разуме. Еще
одни крики стали

громче. Еще и они почти оглушали.

— Габриэль!

Феррүс сердито встотрелся в темноту,
изучая каждую колонну, каждую тень в
поисках своего

Первого капитана. Взбешенный и
недоверчивый, он не отдавал себе отчета...

В его измученном

разуме Габриэля Сантара жестоко
убивали.

Затем других... Десаан, превращенный в
пепел атомным пламенем; Рүүман,
заколотый

полудюжиной снам; даже Кистор,
Магистр Астронатов, выплевывающий
кровь и застывший в

предсмертной конвульсии... Тысячи
утирающих голосов кричали одновременно.

Феррүс ударил по земле и понял, что

стоит на коленях. Атакующий
апокалипсическими

видениями, он поднял серебряные руки ко
лбу в попытке отогнать их.

-- Невозможно...

Он увидел нечто столь ужасное в своем
происхождении наяву сие, что едва мог
стираться с ним, не говоря уже о том,
чтобы выразить словами.

Более слабое существо могло сломаться,
но он был Горгоном и обладал ментальной
силой,

которую ему немногие бы приписали.
Жиллиман знал о ней и сказал ему, когда
им представилась

возможность поговорить наедине.
Кобальтовый и черный были могучей
стесью, негнувшись
сплавом.

Он упрямо встал, сначала одной ногой,
потом другой. Только решимость, которая
видела изрытые

горы и побежденных одной рукой чудовищ,
могла разрушить такие сильные чары. Он

чувствует

тяжесть в спине, как и в руках.

Я выдерживал большее бремя.

Гнев придал стойкость. Она стала
расплавленным источником, из которого
Феррус черпал силу со

сжатыми от ярости кулаками.

Он зарычал на тени.

— Ложь! Ты показываешь мне эту фальшь
и ждешь, что я поверю в нее. Чего ты
хочешь добиться?

Пытаешься свести меня с ума?

Его последние слова отозвались эхом,
снова и снова.

Я выдержу. Моя воля нерушима.

Стиснув зубы, Феррус пробирался сквозь
ужас повторяемого снова и снова видения
мучительной

смерти Габриэля. Оно накатывалось на
него опустошительной волной. Гибель всех
до единого

верных Морлоков сложилась в одну
бесконечную бойню.

В хватке примарха с едва сдерживаемым
неистовством гудел вырванный из ретней
Сокрушитель

Наковален. Молот желал, чтобы ему дали
волю, но, как и его хозяин, был разочарован.

Реальных

врагов не было.

-- Боишься посмотреть мне в лицо?

Темнота не ответила на вызов, если не
считать гугла бесконечной войны.

В периферийном зрении Горгона
вспыхнуло пламя; обсидиановые осколки
были наполнены им.

Смысл образов ускользнул от него.

Ему осталось только одно.

Обвалилась часть стены, расколота
яростью ферруса. Прозрачный камень
разбился, ударившись

о землю, но за этим не последовало ни
огня, не предсмертных криков.

Второй удар разрубил надвое колонну, и
примарх наклонился в сторону, чтобы
избежать падения

кристаллического дерева. Удар не был

неистовым, а скорее резким и точным.
Феррүс двизался
целестрепленно, тщательно выбирая
удары и наблюдая за их последствиями. Он
искал брешь в
колдовских чарах, которой мог бы
воспользоваться. Проведя целую жизнь в
попытках избавиться

от слабости в теле и разуме, Горзон знал,
как ее находить. Поэтому он продолжал
идти и

медленно покинул галерею и ее ужасы.

Когда он приблизился к выходу из
помещения, к шуму битвы присоединился
другой звук,

скрываясь внутри первого, который только
притарх мог слышать. Звук был шипящим
и нес с собой

шорох чего-то змеиногo.

Глаза следят, холодные змеиные глаза...

Кто-то охотился на него. Он уловил
мелькнувший хвост, образ чешуи,
отразившей огонь от
обломков обсидуана.

Ярость уступила место спокойствию. Он не какой-то упертый щенок, подстрекаемый хитрыми уловками.

Я -- Горгон. Я -- Медуза.

Шепот вернулся, в этот раз громче. Позади него. Сердце Ферруса успокоилось, когда он

попытался засечь звук. У него не было источника, он раздавался повсюду и нигде. Мысленно

примарх развернулся, чтобы встретиться со своей немезидой и расколоть очередной кусок

галереи мощью Сокрушителя Наковален.

Вместо этого он опустил молот и позволил ему упасть на землю с глухим металлическим стуком.

-- Ты видишь веревочки на моих руках? -- спросил он тень, подняв Сокрушителя Наковален на спину.

-- Я-то думал, что нет, -- сказал Феррус после короткой паузы и медленно вышел из

галереи.

Кровавые образы и рев войны остались позади.

...

Зернистый свет разогнал темноту, но осветил только небольшую часть расщелины, за

исключением уползающей местной живности.

Сантар нашел щель в пустынной скале, достаточно большую для его тела, расширяющуюся

трещину в подземный мир, который, казалось, полностью поглотил его отца.

Но никаких следов не

было. Его холодный голос раздался по радиосвязи.

— Ничего.

Это был один из многих тупиков.

Он знал, что пятьдесят легионеров, разбитые на небольшие поисковые отряды, прочесывают

впадину и пустыню за ней. На данный момент, безуспешно. Несмотря на их

усилия, они не

приблизились к обнаружению примарха.

Угловив половину своего внимания данными
авточувств, бегущим по ретинальным
линзам, Сантар

пристально посмотрел на солнце.
Пылающая сфера вернулась более зловещей
после того, как

рассеялось колдовское облако.
Воспоминания о психической атаке на
Легион не спешили уходить.

Он сжал бионическую руку, наполовину
ожидая, что она не подчинится его
нейральной командой.

Она подчинилась.

Сантар снял боевой шлем и позволил жару
накрыть его.

-- Меняющийся мир... -- подумал он вслух.
Открыв канал связи, он обратился к
Десаану. -- Как мог

подобный Горзону просто исчезнуть, брат?

-- Сантар обвел взглядом равнину. Она
была огромной

и холмистой, но усыпанной скалами и

нещерами. Он сомневался, что даже с флотом «Штормовых птиц» они найдут их цель.

-- Каждый метр этой впадины нанесен на карту и изучен. Что мы пропустили?

-- Что-нибудь из сенсориума твоего визора?

Раздался щелчок, когда Десаан перепроверил данные.

-- Остаточные энергетические показатели, но ничего, что мы могли бы отследить. Ничего такого, что имеет смысл.

После паузы он спросил: -- Его действительно могли убить?

Сантар приказал вести поиски только из-за слабой надежды. Глубоко внутри он знал, что его

повелитель пропал и найдется только когда пожелает, или скорее захочет этого.

Беспомощность не была тем чувством, что доставляла удовольствие Первому капитану.

-- Нет. Его схватили, и я хочу знать почему.

Сантар собрался продолжить, когда получил входящий сигнал. Медузон запросил доклад о

продвижении боевой группы и представил обновленную информацию Первому капитану.

Первые дивизии Армии появились на серповидной линии хребта, возвышающемся над долиной.

Они были медленными, но стойкими, пехотинцы маршировали перед танковой колонной. Машины

Механикута расположились на флангах вместе с боеспособными «Часовыми».

Прошло больше времени, чем он думал.

— Принято, — передал он Медузону. У него было ощущение, что он поперхнулся песком. — К нам

прибыли армейские дивизии. Удерживайте позиции и ждите подкреплений.

Сантар снова переключил каналы и прорычал по рации: — Перегруппироваться.

Десаан первым ответил.

— Медузон?

Сантар кивнул.

-- Они нашли узел.

Десаан настеливо фыркнул.

-- Славный день. Мы уходим?

-- Ты уже знаешь ответ, брат-капитан.

-- Почему такое ощущение, что мы
бросаем его?

Остальные присоединились к ним и
теперь пятьдесят легионеров шли снова
вместе.

Отсутствовали только Таркан и трое
других снайперов.

-- Потому что так и есть.

Десаан нахмурился, но оказался
достаточно мудрым, чтобы придержать
язык.

-- Брат Таркан... -- произнес Сантар. Он
смотрел за край пустынной впадины, где
она переходила в

большую равнину. Там построились воины
Десятой Железной. -- Мы уходим.

Ответ Таркана был неожиданным.

-- Я кое-что нашел, Лорг Сантар.

За сводчатым выходом из галереи лежала другая пещера.

Перед Феррүсом открылся огромный подземный зал, намного больше предыдущего. Его

сводчатый потолок терялся в темноте, хотя он разглядел тонкую линию трещины в вершине.

Безгнү раскалывал нагвое узкий каменный мост, его естественные опоры терялись во мраке. Под

мостом простиралась бесконечная губительная тьма.

Феррүс презрительно үстехнүлся бесчестью такой смерти.

Он провёл взглядом по каменной дорожке, проследив её траекторию через темноту до широкого

плато. От него поднималась лестница с узкими и крутыми ступенями.

Не успев осознать, Феррус уже стоял у подножья лестницы, глядя вверх.

Вдоль нее тянулись монолитные статуи, как те, что были в первой пещере, только намного,

намного массивнее. Каждая носила патрицианские мантии, руки были сложены на груди, а пальцы

сплелись в форме аквилы. Статуи различали только их лица. Тотемические маски скрывали их

истинные сущности, или, возможно, обнажали их. Феррус чувствовал, что то и другое могло быть

верно.

Когда примарх сделал первый шаг, его взгляд привлекла одна из них. У нее были вместо волос

вьющиеся змеи, как у горгоны из

древнетикенского лифа. Он потянулся к ней, хотя статуя была слишком далеко.

Другая представляла скелетообразный аспект самой Смерти, в капюшоне, сжимающей косу,

которая врезалась в ее костяной лоб. Лицо третьей было расколото нагвое, как у Януса из старой

романийской легенды. На припарках смотрели две маски, а не одна. Но было ошибкой считать, что

у Януса только два лица, так как у него их было много.

Феррүс увидел изображение жестокого рычащего пса, и почувствовал, как просыпается гнев, когда

прошел мимо. За ним был стоический дракон с гребнем из живого племени. Геральдический

рыцарь стоял рядом с более темным близнецом, один со щитом, другой -- с булавой.

На спине одной из статуй раскрылись

кожаные крылья. Ее маску летучей мыши было трудно отличить от человеческого лица, наводя мысль о странном отсутствии человечности.

Были другие: конь с развевающейся гривой, хищная птица, благородное человеческое лицо,

увенчанное лавровым венком, лев под монашеской сутаной.

Процессия состояла из двадцати статуй. Некоторые были знакомы ему, другие меньше и

выглядели не так, как он ожидал. У них были неувловимые отличия, даже отклонения, которые

Феррүс нашел беспокоящими. Только двое были абсолютно незнакомы ему, их маски были

исцарапаны и почти уничтожены.

Последняя статуя стояла посреди лестницы и смотрела на Феррүса, и он поднял взгляд, чтобы разглядеть ее.

В отличие от остальных у этой статуи
руки были раскинуты, словно желая обнять
его. На ней была

мантия катенищика, но более красивая и
вычурная. Ее маска была прекрасна, почти
идеальна,

если бы не угловатые слотровые щели и
неровности на искусственных скулах.

-- Фүлзрит...

Феррүс не собирался произносить имя
брата вслух, но как только оно покинуло
его уста, он узнал

возвышающегося над ним титана.

Воспоминания о Народной вернулись
ностальгическим потоком, но в них была
горечь, даже

насмешка. Статуя улыбалась? Казалось,
маска не изменилась, и все же в уголках ее
рта был

легчайший изгиб. Жажда покарать
заставила его серебряные руки самовольно
сжаться в кулаки.

Она завладела им без причин и оснований,
но вызвала такой гнев, такое чувство...

предаательства?

Феррүс покачал головой, словно прогоняя долгий сон.

«Опять колдовство», — мрачно подумал он, решив, что отдельно разберется со своими преследователями-чужаками. И тогда вернулся его шипящий спутник.

В этот раз он не был столь замечен. Звук раздался вместе с дуновением ветра или же стеснением

старого камня. В шорохе звучало что-то еще, и только такое существо, как примарх мог это понять.

Смысл было трудно отделить от нелогичных противоречивых элементов, скрытых в шипящей модуляции призрака.

Это было слово или фраза, но на данный момент она оставалась загадкой.

Охотник был позади него; Феррүс услышал шорох его чешуйчатого тела по нижним ступеням.

Окутанный тьмой, из-за которой внизу ничего не было видно, но тем не менее он

был там. Феррүс

представил, что преследователь ждет, медленно поднимая и опуская свое тело, его язык пробует

воздух на предмет его запаха. Он был терпеливым и находчивым охотником. Он ударит в нужный

момент, когда добыча не будет знать о его присутствии.

-- Я тоже могу быть терпеливым, мой враждебный странник, -- тихо сказал Феррүс и удивился своему спокойствию.

Феррүс печально вздохнул. Возможно, ему передалось немного прагматизма Вулкана.

Лестница вела дальше, и у него не было времени задерживаться. И желания тоже. Здесь

скрывалась смерть, он чувствовал ее в холодном воздухе и медленном срастании своих костей.

Если он задержится достаточно долго, она найдет его.

Когда Феррус быстро преодолел
следующий пролет, он попытался
выбросить из головы образ

Фулгрита и то, как статуя впустила
мысль о предательстве и охотнике,
следовавшим за ним. Он

понял, что не падал ни в какую расщелину.

Это была не пустыня.

Это было что-то еще, что-то иное.

...

— На что я смотрю, Таркан?

Сантар и Десаан стояли рядом со
снайпером и еще двумя Железными
Руками из Десятой. Боевые

братья Таркана молчали, их
пристрелянные болтеры были опущены.

Таркан присел и указал пальцем на
углубление в песке.

— След, — сказал он, очерчивая контур
впадины. — Здесь.

— Отпечаток ноги, — предположил Десаан,
пропустив след через спектры визора. Для
нетренированного глаза он был просто

еще одной неровностью пустыни.

-- Несколько, -- поправил его Таркан, указав на несколько следов, которые тянулись от первого

назад. -- Следы заканчиваются здесь, -- добавил он, посмотрев на Сантар. Ретинальная оптика

снайпера были точной и безошибочной, как его прицел. Бионический глаз Таркана щелкал и гудел при настройке.

-- Где они начались? -- спросил Сантар, пытаясь проследить следы к начальной точке.

-- По моей оценке в пустынной впадине.

-- Они принадлежат Отцу?

Таркан медленно кивнул.

Найденный ими след ботинка был большим и глубоким. Только благодаря его размеру и

углублению песок не затер его слишком сильно.

-- Обратите внимание на более сильный нажим носка, -- сказал Таркан, вытянув

боевой нож, чтобы

лучше объяснить. Сверкающий
мономолекулярный кончик проткнул край
следа.

-- Он бежал, -- сказал Десаан.

Сантар нахмурился и посмотрел на
исполосованный солнечными лучами
горизонт, словно ответ
ждал там.

-- Но от кого?

-- Или к кому? -- предложил Десаан.

Не было ни крови, ни обожженных меток,
ни признаков борьбы. След просто
закончился.

Сантар снова нахмурился, подавленный
таким поворотом событий.

-- Хорошая работа, брат Таркан, -- сказал
он, повернувшись.

Десаан был в замешательстве.

-- Разве мы не продолжим поиск?

-- Нет смысла, -- сказал Сантар. -- Где бы
ни был Лорд Манус, мы не можем
добратся до него. Мы

нужны Медузону.

Ответ Десаана был тихим и
предназначался только Сантару.

— Мы не можем просто бросить его, брат.

Первый капитан остановился, чтобы
посмотреть на остальных. Таркан
погнулся.

— Сейчас у нас нет такой роскоши, как
выбор, Ваакал. Мы все еще на войне. Но
крайней мере,

здесь мы можем что-то сделать.

Десаан неохотно согласился. Он мало что
мог сделать. Это относилось ко всем.

Двигаясь по следам дивизий Армии,
пятьдесят легионеров ушли из пустынной
впадины и оставили

своего примарха его судьбе.

...

Птица. Нет, не просто птица, но
огромная птичья тварь, сравнимая по
размерам и размаху

крыльев со штурмовым кораблем, и чье
великолепие давно угасло. Ее прежде
жуткие мышцы

зачахли и атрофировались, а крылья, которые когда-то могли быть позолоченными, теперь были изорванными и потускневшими. Ее кожа свободно свисала со скелета, как пернатая мантия

непомерно большого размера, под ней кучей ужасных переломов торчали кости. Это был

пагальщик, чья последняя трапеза была далеким воспоминанием.

Мифы многих культур рассказывали истории о грифонах, василисках и гарпиях. Но слова бардов

и сказочников подобные твари истребляли целые цивилизации. Даже в своем ослабленном

состоянии это чудовище убило бы их всех. С легкостью. Феррус затеделся, приближаясь к существу.

-- Тебе непросто будет проглотить меня, -- пообещал он, приближаясь к вершине каменной

лестницы.

Когда Феррус достиг последних
нескольких ступеней, он понял, что птица
не одна, но их две, и они

не пагальщики. Это была пара орлов, хотя
и чахлые. Каждый из них с любопытством
смотрел на

примарха одним глазом, словно зная
нечто, во что примарх не был посвящен.

Другой глаз ослеп

из-за какого-то несчастья.

Когда он подошел к ним, с их клювов
сорвался крик, гушераздирающий и
гнусавый по своей

тональности. Горзон потянулся за
Сокрушителем Наковален, но пальцы так
и не коснулись

рукояти, когда он понял, что пара орлов не
собирается нападать. Вместо этого
существа

расправили свои некогда огромные крылья
и взлетели.

Убивать их было жалко, хотя, возможно,
смерть покончит с их страданиями и

станет актом

милосердия. Удивившись тому, как он
образовался, воздержавшись от убийства,
Феррүс

последовал за первой птицей, которая
полетела в темноту пещеры. Достигнув
трещины в потолке, орел исчез. Феррүс
позавидовал его крыльям, какими бы
слабыми они не были. Птица не смотря
ни на что, тяжело влетела в золотой
свет.

Его сыновья были наверху, отделенные от
своего отца позолоченной трещиной в
подбрюшье

мира. На несколько мгновений тень орла
задержалась, и Феррүс почти мог
потянуться и коснуться
ее...

Второй орел полетел дальше в пещеры.
Вопреки первоначальному убеждению,
Феррүс понял, что

пара птиц не была полностью
идентичной. В то время как первая была
мудрой и суровой, у второй

птицы было более благородная и
патрицианская манера держать себя,
несмотря на потрепанный
внешний вид.

Вызывающий, -- подумал примарх, -- даже
знакомый.

Птица скользнула через открытый
портал, вырезанный в каменной стене
пещеры. Арка своим

архитектурным стилем напоминала
цивилизованную культуру, подобную
старым империям

древней Романии. Она вела в следующий
зал, освещенный звездным небом.

-- Снова холодный камень, -- подумал он
вслух, когда показались скалы из темного
гранита.

Разочарованный чувством собственного
бессилия, Феррус начал полагать, что эта
дорога

бесконечна, что в этом лабиринте нет
смысла.

Было бессмысленно сражаться с тем, над
чем у него не было власти. Хотя это

противоречило его

инстинктам, примарх уступил судьбе. Пока. Он доберется до конца своего путешествия, когда тот, кто поймал его в эту ловушку, посчитает, что момент наступил.

Тогда он уничтожит это существо со всей яростью Медузы.

Что бы ни скрывалось внутри лабиринта, оно не было непобедимым чудовищем.

- Я убивал ётунов, - сказал он самому себе. - Я убивал ледяных змеев голыми руками. Ты

рискнул завлечь в ловушку горгона...

Небесные созвездия, освещавшие его путь в следующую комнату, были вовсе не звездами. В

стены были вставлены скопления драгоценных камней, сверкающие в окружающем свете. Порог

был мало приметным, всего лишь испещренная алмазами скала. Примарх услышал слабые

хлопки крыльев, звучащие как далекое

эхо, и так как не мог летать, то
последовал за вторым
орлом вглубь освещаемой звездами тьмы.
Феррүс почувствовал запах мертвечины и
холод. Что-то металлическое кольнуло
его язык.

Зүг вокруг шеи начал раздражать и
гореть.

В воздухе шипело дыхание змея.

Его агрессивный попутчик вернулся.

Ты, наконец, пришел за мной?

Феррүс извлек Сокрушитель Наковален и
небрежно держал его одной рукой. Оружие
задиристо

зудело в его хватке.

Я расколю твой череп, как яйцо, тварь.

Змей держался на расстоянии, двигаясь на
периферии его чувств. Тварь знала, что
притарх не

станет бросаться в темноту и
атаковать ее. Феррүс должен подождать.
Он выходил из себя, и

существо знало об этом. Но потому

простого подстрекательства, у змея была
другая цель в

предотвращении схватки. Он хотел,
чтобы примарх сначала увидел кое-что,
то, что змей сделал
для него.

Дальнюю часть комнаты словно затянуло
полосой из черного холста, свет
фальшивых звезд потух.

Феррус стоял у ее границы, собираясь
ступить в затемненный мир. Казалось, он
уменьшал даже
его силуэт, очерченный прозрачным
светом.

А затем все изменилось.

Темнота разделилась, как занавес.

Один за другим драгоценные катки
погасли. Линзы словно отыло перерезанной
артерией --

кровавое зарево осветило помещение.
Перед Феррусом раскинулась
отвратительная бойня, и он
нахмурился от ее отерзительности.

Воздух наполнил запах крови.

отягощенный горьким привкусом. Он
стучно осел в углах покрытого
каменными плитами пола, и поднимался
по влажным стенам грибковой заразой.
Белоснежный зал

измазали следы рук и ног, скользивших в
грязи. Мужчины и женщины умерли в
этом месте на

коленях, моля о своих жизнях, в то время
как палачи держали клинки у их шей и
животов. Стены

увешивали цепи с крючьями, покрытые
слоем мяса и готовые принять нир плоти.

В разуме Ферруса появились образы
ржавых секачей, зазубренных резачков и
костных пил, хотя ни

один из этих инструментов мясника он не
видел.

Вместо этого с потолка на кусках
сухожилий свисали головы. Сотня
отсеченных голов лениво

покачивались на ветру, медленно
поворачиваясь и демонстрируя весь свой
ужас. Их лица застыли

в выражениях тужи, некоторые с
открытыми ртами в безмолвных криках;
другие со стиснутыми от
агонии зубами.

Озабоченный сытью под горжетом, Феррүс
снова почувствовал призрачную боль от
нанесенной

ножом палача раны, которую он никогда
не получал.

Ули, пожалуй, не сейчас...

Мысль возникла неосознанно, словно ее
внушили. Феррүс был слишком шокирован,
чтобы

сопротивляться ей.

Открытие накладывалось на открытие,
пока он, наконец, не узнал воина в лицах,
висящих перед
ним голов.

Измученный, искаженный от невыносимой
для смертного боли, Феррүс никогда
раньше не видел

настолько кошмарного зрелища.

Каждое лицо принадлежало ему.

Ярость железа

Выступая из песка наподобие обломка изогнутой кости, он выглядел достаточно заметно. Когда

Габриэль Сантар прибыл на поле боя, он задумался, почему они так долго искали эльдарский узел.

Уничтожьте узлы и нарушите сплоченность врага. Как и в случае с оборванной линией связи, тогда

возможность эльдаров координировать свою оборону была бы серьезно затруднена.

Разрушите

узлы и разбейте врага. Это были приказы Лорда Мануса, как его Легиону, так и братьям, ведущим

войну где-то еще на Огин-Пять-Четыре Четыре. То, что примарх так не увидит, как осуществится

его план, причиняло боль.

Но этой и многим другим причинам. Первый капитан очень хотел, чтобы

повелитель был с ними.

Морлоки вместе с небольшим отрядом снайперов Таркана вернулись к голове многочисленной

танковой колонны Армии. То, что осталось от армейских дивизий, в основном доганские

истязатели и часть вериганских коррактов, прошли этот путь, цепляясь за поручни или сидя на

башнях более крупных машин. Некоторые механизированные части тоже осилили пустыню, и

вместе с несколькими «Часовыми» везли оставшихся сааванских масонитов.

Потрепанные части, но все же подкрепления.

Судя по безвыходной ситуации с узлом и его защитниками они прибыли недостаточно быстро.

Сам узел был огромен и прикрыт потрескивающим энергетическим щитом, который Железные

Руки пытались разрушить. Сантар не

видел ни источника энергии, ни объекта,
которые они могли
атаковать и уничтожить, чтобы
сокрушить оборону. Щит генерировали
какими-то другими
способами, неизвестными им.

Тяжелые попадания расцвели ярко-
лазурными взрывами, и щит колыхнулся,
рассеивая их
взрывную энергию по своей изогнутой
поверхности.

Рүүтан отказался признавать поражение.
Его «Рапиры» и ракетные батареи вели
непрерывную

стрельбу, наполнив воздух шумом и
актинической вонью. Клубы дыма слились
в пелену, которая

опустилась с вала, на котором
Железномелый расположил свои
дивизионы, на наступающие внизу
роты Медузона.

Сантара встретил Буон Хенрикос,
который резко отдал честь, увидев
Первого капитана.

Пока Медузон следил за битвой, он передал командование над Железной Десятой громадному

сержанту. Эти воины с нетерпением ждали боя, в то время как авангард Медузона с Морлоками на острие пытался пройти несколько сот метров открытого пространства и приблизиться к щиту.

-- Ты можешь использовать армейские дивизии? -- спросил Первый капитан прежде, чем Хенрикос

смог озвучить приветствие. Времени на соблюдение любезностей не было. Среди офицеров

Железных Рук сержант более всех сопереживал людям. Сантар просто хотел воспользоваться

этим и сделал это в своей небрежной манере.

Ни слова не было сказано об операции или припарке. Сержант был не вправе задавать вопросы,

тем не менее, бросил быстрый взгляд на

Десаана, который стоял в шаге за Первым капитаном.

Должно быть Десаан коротко покачал головой, потому что Хенрикос напрягся от горя и гнева, но

быстро вернулся к своим обязанностям. К чести сержанта он провел оценку состояния

прибывающей колонны.

-- Чуть меньше пятнадцати тысяч человек и шестьдесят три исправных машин, -- сказал Хенрикос.

-- Да, милорд, думаю, я смогу использовать эти части.

Сантар кивнул.

-- Хорошо. Они потрепанны, брат-сержант, -- предупредил он.

-- Готовы к бою, -- возразил Хенрикос.

Улыбнувшись внутри шлема, Сантар согласился: -- Действительно. -- Ему нравился этот Хенрикос, его упорный дух.

- Где капитан Медузон?

Могучие ряды плазменных пушек и оружийных платформ «Тарантул»

грозотали по всей боевой

линии, наполняя тыловые эшелоны светом
и громом. Хенрикос подождал несколько
секунд, пока

их залп не стихнет, после чего указал на
северо-восток, где располагался командир.

Сантар увидел Медузона и его свиту, но
его взгляд последовал далее к щиту, после
того как

плазменные следы и дым от тяжелых
болтеров рассеялись. Он ожидал увидеть
трещину в

эльдарской броне, даже разлом. Ничего.
Щит все еще держался.

-- И так весь последний час, -- сказал
Хенрикос.

Сантар недовольно заворчал.

-- Немедленно подключайте артиллерию
Армии. Я хочу услышать ее с передовой
линии, когда

буду стоять рядом с этим
энергетическим щитом.

-- Мы пробьем брешь в нем ради тебя,
тилорг.

-- Следи за тем, что делаешь. Плоть слаба, но эти танки из стали, -- напомнил он Хенрикосу.

Сантар больше не стал задерживаться. Он направился к Медузону.

-- Десаан, со мной, -- прорычал он, наблюдая за безрезультатным обстрелом, который продолжал

поливать щит.

-- Их сопротивление впечатляет, -- сказал капитан Десятой Железной, когда подошел Сантар.

-- Ты кажешься удивленным.

Медузон держал голоплашет в бионической руке и оценивал тактические диспозиции своих сил.

Тяжелые дивизионы вели поддерживающий огонь, в то время как три клина Железных Рук из

Шестнадцатой, Тридцать Четвертой и Двадцать Седьмой клановых рот непрерывно атаковали

укрепленные траншеями позиции эльдаров. Сантар узнал символы кланов

Ворганан, Бүркхар и

Фелз, неумолимо сражающихся впереди.

Он знал, что в центре, где огненный шторм был наиболее ожесточенным, он найдет клан Авернии, своих Морлоков. Судя по неподвижности ветеранской роты, они тоже зашли в тупик. Ни один из Железных Рук так и не добрался до самого щита.

Крупные силы эльдаров перед ним, действующие в качестве волнолома, также отступали за него.

В резерве находились воины клана Сорргол из Железной Десятой, грузья и родня самого

Медүзона, а также кланы Кагоран, Локонт и Унгаварр, которые вели сильный огонь с

возвышенности. Даже со всей имеющейся в их распоряжении мощью Железные Руки не могли

пробить эльдарский экран.

В пятистах метрах перед ним сражались воины из плоти и железа Медүзона.

Ряды легионеров неумолимо шагали в
насть врагу, болтеры вели постоянную
стрельбу. Медузон

расположил среди основной массы
батальонов меньшие дивизионы
конверсионных излучателей и

гравитационных пушек, которые выдавали
себя спорадическими дульными вспышками
и

искрящимися лучами энергии. Но враг был
непоколебим.

-- Они крепче, чем ожидалось, -- признался
Медузон. На его боевом доспехе чернели
следы от

ожогов, указывая на то, что он ранее
пытался взять штурмом аванпост и был
отбит.

-- Думал они легко уступят, брат-
капитан?

Голова Медузона слегка дернулась, когда
он понял, что с Сантаром нет припарха.

-- Горзон? -- спросил он, хотя его тон
подсказывал, что он не был уверен, хочет
ли знать ответ.

-- Исчез.

-- Когда он вернется? -- Он не предполагал, что примарх погиб, это было недопустимо, но тень

такой вероятности прошла по лицу Медузона, подобно темной туче.

-- Он вернется? -- проскрежетал он, кулаки сжались по собственной воле, когда на него снизошла

мстительная ярость.

-- Мы не смогли найти его. -- У Сантара не было ответа.

-- Он будет зол, когда вернется.

Сантар указал на голопланшет и медленные маневры войск, изображенные на нем.

-- Вот, что я хотел бы видеть.

-- Они полностью окружены, -- сказал Медузон.

Резервные части Железных Рук выдвинулись, окружив узел и его защитников в кольцо черного кератита.

-- Тем не менее, осаждать врага -- это не наш путь, не так ли, Шаграк?

Медузон свирепно улыбнулся.

-- Да, первый капитан. Не наш.

-- Они стойко держатся.

-- Кажется, ты восхищаешься ими.

Сантар не отводил глаз от голопланшета, думая и планируя. В качестве адъютанта он многому

научился у Ферруса Мануса. Горгон часто стоял в тени Жиллимана, но он был столь же искусным

тактиком. Другие заявляли, что его единственным недостатком была его упёртость, делая его

немного близоруким. Хотя Сантар никогда не говорил об этом вслух, он считал, что у Горгона

также не было терпения Боевого Царя к бесконечной проработке планов действий.

-- Восхищаюсь ими? Нет, -- ответил Сантар с абсолютной уверенностью. -- Я хочу лучше понять их, чтобы уничтожить. -- Затем добавил. -- Ты хочешь

раз пробил энергетический щит?

-- Мы даже не добрались до него. Я ждал их капитуляции, когда они столкнулись с нашим

очевидным численным превосходством. Первый капитан. Это логично.

-- Возможно, в эльдарской культуре нет понятия неизбежности.

Молчание Медузона подразумевало, что он не понял сказанного.

-- Какие предложения? -- спросил Сантар.

-- Ударить их посильнее, бросить больше воинов на укрепления, пока они не падут.

-- К счастью я привел с собой тех, кому не терпится воссоединиться с членами своего клана.

Морлоки позади него рвались в бой.

Медузон бросил на них быстрый взгляд.

-- Тоже голодны.

-- Война далекое от утонченности занятие, Шаграк, -- сказал Сантар. -- Иногда ты просто должен

воспользоваться глубинкой побольше.

Покажи мне, куда бы ты хотел, чтобы она

ударил, и ты

проделает эту брешь для тебя.

-- Звучит ободряюще...

Медузон поднял руку, прервавшись, чтобы
выслушать доклады по радиосвязи от
разных

командиров, выдвигающихся или
меняющих позиции. Закончив, он
посмотрел на Сантара.

-- Я посчитал, что ты примешь
командование после своего возвращения.
Первый капитан, и уже

отправил диспозиции наших частей на
твои ретинальные линзы.

-- Нет необходимости, -- сказал Сантар. --
Ты командуешь, брат. Я хочу испачкать
свои когти в

крови ксеносов.

Медузон ударил кулаков по груди, не сумев
сдержать свою гордость за оказанное
Первым

капитаном доверие.

-- Тогда пусть обрушится твоя ярость.

милорг.

Когда слова запечатлелись в радиоканале Сантара, на его ретинальном дисплее вспыхнул значок.

На него наложился диспозиции других частей. Оставшиеся Морлоки наносили главный удар,

сойдясь с эльдарати в ближнем бою. Здесь оборона была самой крепкой, здесь чужие носили

более тяжелую броню и располагали самым мощным оружием и оружийными платформами.

Даже на расстоянии битва выглядела свирепой.

Игнорируя бойню, в которую он почти вступил, Сантар тщательно изучил далекий щит, словно мог

разглядеть слабость, просто взглянув на него.

-- По-моему, как глубоко он простирается, брат?

Медүзон проследил за взглядом первого капитана. Он улыбнулся, когда понял на

что намекает

Сантар.

Сантар прикоснулся пальцем к горжету, чтобы открыть канал связи.

-- Железномелый.

Рүүтан ответил между гвүтя громкими залпами тяжелого оружия.

-- Мне нужно, чтобы ты сделал кое-что для меня... -- сказал Сантар и передал план.

-- Ты -- молот, -- сказал Медүзон, когда Первый капитан снова отключил канал связи.

Молниевые когти Сантара выскользнули из ножен. Он выпустил потрескивающую энергию по лезвиям.

-- Значит, настало время, как следует врезать.

С показным и кипящим высокомерием Сантар прошел вперед через ряды Железных Рүк, которые

раступились перед ним и его свитой Морлоков. Он прикрепил шлем магнитными зажимами к

набедренной пластине. Капитан был более уязвим без него, но воинам вокруг него нужно было

видеть его лицо. В отсутствие притарха он должен был вдохновлять.

За маской свирепости он скрывал желание сражаться рядом со своим повелителем.

Он не мог

себе представить, что когда-нибудь будет не так.

Сантар поднял железный кулак и заревел: — Железо и смерть!

Настойчивый голос внутри Сантара проник в воинственный клич и грел откликом его

подчиненных, которым было сложно пренебречь.

Отец, где ты?

...

Феррус нахмурился.

— Жалкие трюки, — решительно заявил он, хотя ни один из висящих черепов, казалось, не слышал его.

Смерть не лишила присутствия духа
Горгона, даже перспектива собственной.
Давным-давно, в

безлюдных пустошах Медузы он стирался
с неизбежностью собственной смерти. Он
проживет

больше большинства людей, возможно,
даже тысячелетия, кто мог сказать, где
пределы

генетической науки Императора? Но он
был воином, а воины, в конце концов,
встречают свой

конец на острое меча. Феррус надеялся,
что его смерть будет славной. Он также
надеялся, что

однажды наступит мир. Но без войны,
размышлял он, чем станет его
предназначение?

Хмурый вид превратился в утешку, и
губы Ферруса саркастически изогнулись
при виде

подвешенных образов, предвещающих его
гибель. Горгону, обуреваемому праведным
негодованием, пришлось сопротивляться

желанию уничтожить их всех.

Даже без иллюминации драгоценных камней видимость была достаточной, хотя свет пылал

багрянцем и пульсировал как вена. Черепан были достаточно далеко друг от друга, чтобы пройти, не касаясь их. Дувение ветра развернуло одну из голов лицом к Феррүсү.

Он улыбнулся мертвому двойнику сощуренными холодными глазами.

-- Я бы сделал более симпатичный труп, -- сказал он и улыбнулся. Замечание больше подходило

Фүлгритү. В ответ на мысль о брате, в ушах притарха раздался знакомый звук -- шипящий

диссонанс, который следовал за ним по пятам.

Охотник вернулся. Возможно, он никогда не уходил. Феррүс обратил на него все свое внимание, потому что угроза была реальной и близкой. Он был с ним в пещере, скользя рядом, повторяя

каждый его шаг.

-- Выходи на свет, трус, -- прорычал примарх. -- Я хотел бы видеть врага, который хочет убить меня

сотню раз. Я докажу ошибочность такой самонадеянности, даже если ты утреши только один раз.

Его враждебный спутник не ответил.

Феррүс пошел дальше.

Посередине жуткой бойни черепа висели так плотно, что у Феррүса не было выбора, кроме как пройти через них.

Используя Сокрушитель Наковален в качестве стрекала, он осторожно оттолкнул в сторону одну из голов.

Медленный стон покинул мертвые губы. Вторая голова повторила за первой, затем третья и

четвертая. Каждый из разлагающихся черепов, охваченный внезапной ужасающей эпидемией,

присоединился к зловещему хору.

Они были живыми. Возвращенные из ада, эти призраки, носящие плоть Ферруса Мануса,

вернулись, чтобы преследовать его. Отвращение, гнев и неверие сражались внутри примарха, и

он понялся, ожидая нападения. Череп задел его шею. Высохшие губы коснулись его кожи,

словно целуя. Отпрянув, он столкнулся с другим, расколов его скулу. Посыпались осколки кости.

Зуб вонзился в его наплечник. Феррус вытащил его, зарывав, когда стоны превратились в вопль.

Звук был низким и обвиняющим.

Ты сделал это с нами...

Ты обрек нас на эту судьбу...

Мы в заточении из-за тебя!

Феррус сжал кулаки и стиснул зубы.

-- Заткнитесь! -- прошипел он. Его ярость кипела, и он резко развернулся, выставив перед собой

Сокрушитель Наковален.

Мертвые должны оставаться мертвыми...

Такое унижение только подтверждало слабость плоти и ее возможное разложение. Тот факт, что

это был вид его собственной смерти никак не повлиял на Горгона. Раньше он сдерживался,

позволял своему рассудку останавливать руку. Теперь он сотрет каждый жалкий череп в костяную

пыль и воспоминание.

В темноте мелькнула серебряная полоса, свет бойни заструился по ней, как охлажденная кровь...

Первый удар Ферруса так и не последовал.

Его позвоночник охватила адская боль, почти скрутив хребет вдвое. Пластины брони затрещали от

внезапных и сильных конвульсий притарха, расколовшись, как горячий металл, который слишком

быстро остудили. Вены Горгона наполнила боль, которая убивала бы сотню более слабых людей, и

она почти сокрушила его. Феррус согнулся, опустившись на одно колено. Выплесывая токсоту и

кровь, он гневно заревел и поборол яд. Прозрачное серебро чудесным образом охладило, но не

очистило пылающую рану, и примарх выпрямился. Одной рукой Феррус сжал кисть другой. Та

пульсировала под пальцами из живого металла, говоря о том, что он ранен. Хуже того, он ослабел.

Сокрушитель Наковален куда-то подевался, выскользнув из онетевшей хватки и с лязгом упав на землю.

Он осторожно поднял руку, словно взглядываясь под доспех и ожидая увидеть признаки гангрены.

Две раны, глубокие и широкие, как от ударов ножа, пронизывали его металлическую кожу. Раны

пузырились ядом, и Феррус недоверчиво смотрел, как живой металл разрушается

у него на глазах.

Словно ужаленный, он отдернул другую руку, опасаясь, что яд перекинется на нее.
Под

стекающим серебром обнажилась обожженная и покрытая волдырями кожа, и в ней родилось воспоминание...

Стоит у края лавовой бездны, над ним зверь.

Дышащий холодом и серой.

Руки ободраны и кровоточат, но достаточно крепки, чтобы ломать наковальни.

Зверь слабеет. Битва между ними не прошла даром.

Расплавленное серебро на его боках отражало свет тьмы и терцало таревом.

Такое великолепное существо.

Он все равно убьет его, вне всякого сомнения его превосходство доказано.

Я сильнее.

Клыки обнажены, яростная песнь на его

устах.

Он докажет это.

Он найдет способ пробить его сверхъестественную плоть и убить существо.

Лава манила. Его кузница.

Здесь творилось и уничтожалось оружие.

Я докажу, что сильнее.

Я должен, иначе что он сделает со мной?

Воспоминание исчезло, смутное и расплывчатое. Миф и действительность сплели один рассказ,

который заставил его задуматься над истиной собственного происхождения.

Отвлечение было

мигловым. Необходимость выжить и его инстинкты воина взяли вверх. Вместо поисков

Сокрушителя Наковален Феррус сорвал с пояса спату, широкий, остро наточенный и смертельный

клинок. Его раненная рука, онемевшая от смертельного яда, безвольно висела. Феррус взял меч в

левую руку, приспособив стойку и хватку, прежде чем сделать разрез на кисти, чтобы выпустить

яд. По раненой руке заструилась жгучая желтая жидкость, похожая на кислоту, стекая с

окровавленных пальцев. Боль уменьшилась, как и гомон в его черепе, по которому словно стучала

дюжина кулаков.

Мною голову будто сносят с плеч...

Игнорируя повторяемые сотни раз его собственным голосом предсмертные хрипы, Феррус

внимательно следил за тенями. Он быстро повернулся на серебряный проблеск в периферийном

зрении, который вспыхнул со скоростью предупредительного маячка.

Сверхъестественные рефлексy спасли его от очередной раны. Он нанес удар, но тварь была

невероятно быстрой и ускользнула от разъяренного примарха.

Змееподобная, но не похожая ни на одну из
змей, с которыми встречался Феррус.
Серебряная

чешуя напонила зверя, с которым он
сражался давным-давно. Тогда звезды были
всего лишь

кусочками гранита в темном небе, и была
только Медуза и бесконечная арктическая
ночь.

Скрытый тенью, образ твари был
мимолетным, но знакомым.

Возможно, ты встречался раньше...

Шорох хвоста заставил Горгона
повернуться, и он снова ударил, но рассек
только воздух. Он

затемдился. Несмотря на удаление яда,
ожжение от раны поднималась к плечу и
далее. Фантомная

боль, которую он ощущал вокруг горла с
момента прибытия в пустыню,
нестерпимо пылала.

В действительности или воображаемо
эта тварь смогла ранить его. Извлеченная
из какой-то

бездны Старой Ночи она подтвердила в
этом подземелье желание убить его.

Тюремщики Ферруса

знали его прошлое, его изначальные
страхи и желания, и изводили его
видениями воображаемого

будущего. Они дергали ниточки
неосуществленной судьбы и смотрели, как
колебания сказываются
на поведении примарха.

Феррус знал, что не может сдаться.

Безумие начало сказываться на его
чувствах, так как яд змея сделал свою
работу.

Держись.

Слово было его символом надежды.
Утратит его и будет выброшен в
бесконечное море хаоса.

Шипение живого металла, стекающего с
его руки на землю расплавленными
каплями, заставило

примарха повернуться. Он встряхнул
головой, чтобы избавиться от мглы,
грозящей на краю

зрения.

Василиск, хитера, зигра, у таких демонов было много имен и форм. Эта тварь не была ни одним

из них. Но она была могучей. Иначе не разрушила бы то, что считалось нетленным.

Неужели нет ничего нетленного?

Кем были неизвестные гиганты и ледяные драконы в сравнении с этой тварью?

Феррүс отбросил недостойные мысли, осознав, что их навязывали ему. Неистовое ядро, кипящее

под его холодной наружностью, начало изливаться. Он крепче сжал спату, и намотанные на

рукоятку кожаные ремни закрипели.

Оружие было даром Вулкана, и воспоминание о брате дало ему силу.

-- Я выковал его для твоей руки, Феррүс, -- сказал он. -- Это твой меч, он не ровня Сокрушителю

Наковален, но я надеюсь достойное оружие. Ты окажешь мне честь владея им.

Феррүс перевернул его в руке, холодные глаза пробежались по филиграни и витиеватой инталии, инкрустированным камням и ноктюрнианской надписи. Тонкие зубья были бритвенно-острыми, металл, из которого их выковали, крепким.

Не обращая внимание на очевидную красоту оружия, Феррүс сразу же увидел его потенциал меча, но решил быть грубым, вместо того, чтобы похвалить мастерство брата.

-- Зачем ему нужно такое украшение? Смогу ли убивать своих врагов лучше благодаря нему? --

На его лице появилась ухмылка, которой Феррүс, оглядываясь назад, не гордился.

Вулкан и бровью не повел.

-- Это превосходное оружие -- признал он. -- Когда я обнажаю меч, я хочу, чтобы мои враги знали, что они встретились с оружием короля-воина, направляемым его рукой.

-- В таком случае тебе следует скорее

орудовать молотом для творения, чел-
клинком для
разрушения?

В ответ Вулкан улыбнулся, и этот жест
был теплым, как жар лавы.

- Ноктюрнцы прагматичны, мой брат.
Пока война необходима, я буду сражаться,
но надеюсь, что однажды отложу свой меч.

- Его глаза вспыхнули огнем. - До того
момента я буду

поддерживать свой смертоносный клинок
наточеным.

Феррус кивнул и спрятал в ножны клинок,
прицепив его к оружейному поясу.

- Мне может понадобится нож, - весело
сказал он, и прикоснулся серебряной рукой к
бритому

черепу, - когда рабы не побреют
достаточно коротко.

Они застелялись, Горгон хрипло и грубо,
Дракон зычно и радужно, разделив редкий
момент

легкомыслия, пока крестовый поход не
развел их по разным путям. До Огин-Пять-

Четыре Четыре.

Воспоминание о том дне исчезло в отражающем металле клинка.

Феррүс назвал его Дракен в честь своего брата. Сейчас он нуждался в его остроте и был рад мечу.

Также как и в галерее мавзолея стены бойни были из полированного обсидиана. Их зеркальная

чернота тянулась в бесконечность. В ней отражались головы, но в тире-двойнике они были

покрыты плотью. Разорванные артерии пульсировали, извергая кровь. Она забрызгала его брови, все еще теплая и живая. Рана была свежей и пылала на шее настоящего Феррүса, который

боролся с отвлечением от спектакля, представленного в темном стекле.

Отсеченные

окровавленные головы стеялись, все до единой. Они стеялись над ним.

-- Угуот!

-- Слабак!

-- Ненужный сын!

Это последнее оскорбление застряло в его горле. Феррус был выдающейся личностью, а на

Медүзе королем королей. Никто не мог сравниться с ним. Но когда появился отец и привел его к

семнадцати выдающимся братьям, он понял свое место. В отличие от Вулкана, который принял

свое положение охотно и смиренно, Феррус был недоволен. Разве он не ровня своим братьям?

Когда встретишься со славой Горы, великолепием Сангвиния или даже упрямой твердостью

Розала Дорна, легко поверить, что некоторые сыновья будут ждаты в стороне, пока несколько

избранных осуществят великий план отца для галактики.

Феррус жаждал этого света для себя, хотел быть равным. Он не был тщеславным; он просто хотел

быть признанным. Вся его жизнь до этого самого момента прошла в поиске силы. Он не мог

поверить, что все сделанное было второстепенно. Феррүс не мог поверить, что его отец вывел его

из одной тени только для того, чтобы вывести в другую.

Ты будешь гордиться мной, отец. Я докажу свою значимость.

-- Давай же! -- заревел он, но вызов остался без ответа. Тварь прыгнет на него из теней и убьет

тысячей укусов.

Бесславная смерть.

Феррүс не примет ее.

Но тварь была быстрой. Примарх должен был нанести удар, а бросаясь на едва уловимые образы, он не добьется победы. Она хотела извести его, заставить ослабить защиту и открыться, чтобы потом нанести смертельную рану.

Он заметил уголком глаза неожиданное движение и проследил за ним, держа меч в

оборонительной позиции -- плашмя и
отведенным от себя.

Было сложно удержаться от применения
силы; вся его жизнь заключалась в этом.

Ярость гремела в ушах, как перезвон
колоколов. Он сосредоточился, и гул
уменьшился до

приглушенного грохота. Тварь была
близко, хотя и не выдавала своего
присутствия. У Ферруса

было ощущение, словно он каким-то
образом был связан с ней, возможно из-за
укуса и порчи ее

яда. Он хотел причинить ей боль за это,
сравнять счет, а затем уничтожить.
Поток внутреннего

гнева метнулся к границам его сознания,
почти перейдя от мысли к действию.

Он вспомнил кузню и утешение, которое
получал при обработке металла.
Единственный бальзам

для его ярости, единственная вещь,
которая могла успокоить его неистовый
гнев. Несмотря на

него, Феррүс проявил терпение, даже если иногда испытывал ощущение, что хватается за дыт. В

отличие от Вүлкана терпение не давалось ему легко. Оно было первым уроком для всех кузнецов.

При закале нельзя было торопиться, металлу нужно время, ему необходимо ждать, пока он не

будет готов; как и Феррүсу.

Он увидел лежащий на земле Сокрушитель Наковален, но подавил желание схватить его. Этого хотела тварь. Она ждала, что Горгон подойдет к нему.

Меча Вүлкана было более чем достаточно. Он верил в мастерство брата.

Он должен был сказать ему об этом.

Феррүс закрыл глаза и прислушался. Он услышал тихий и скрежещущий повтор, почти

приглушенный окружающим шумом. Шипение змея.

А теперь я расставляю сети...

Не видя, он был уязвим.

Поэтому он опустил меч, позволил руке повиснуть вдоль тела.

Он прислушался, позволив сердцу успокоиться.

Какофония мертвых притихла, голос змея стал громче, и Феррүс различил два слова.

Ангел...

Одна лишь мысль о словах вызывала боль, словно они несли силу вне своего буквального значения.

Экстерминатүс...

Слова были скрыты в многократно повторяющемся шепоте твари, в высоте тона и модуляции, как тайная нота в идеальной симфонии виртуоза.

Они ничего не значили для него, тем не менее, он чувствовал силу их значимости, как будто слова обрели физическую форму.

-- И небеса пылали его сияющей красотой...

-- Слова пришли к Феррүсү незваными, словно

принадлежали другому, у которого не было силы произнести их.

Здесь было нечто темное, какое-то зло вторглось в подземелье, с которым был связан Феррүс. Он

задумался над тем, понимали ли это его пленители.

Размышлять об этом не было ни времени, ни смысла.

Затаив дыхание, Феррүс услышал скрип металла, который предвещал нападение твари,

Доверившись инстинкту, он ждал, пока змей не окажется совсем рядом, и тогда нанес удар. Меч

рассек чешуйчатую плоть.

Глаза Феррүса резко открылись, как бронированные визоры, и он снова ударил. Наградой был рев

боли. Когда он выдернул Дракен из теней, его лезвие было покрыто пролитой кровью.

Это была не

кровь, но зловонная жидкость пурпурного
цвета, прилипшая к мечу.

Он ранил тварь. Ее шепот, наполненный
гневом и болью, стал громче. Скрип
металлической

чешуи о камни стих -- чудовище
отступило в темноту. Феррус несколько
минут не двигался,

прислушиваясь, не вернулась ли тварь.
Рана в руке пульсировала зловонной
энергией, а

серебряный блеск почти полностью
выгорел, оставив после себя окровавленную
и наполненную

болью конечность. Спрятав спату в
ножны, примарх наклонился, и его пальцы
соткнулись вокруг

рукояти Сокрушителя Наковален, словно
оружие и его хозяин разыскали друг друга.
Никогда его

толот не ощущался таким тяжелым и
громогласным.

-- Плоть слаба... -- пробормотал он и

проклял свое бессилие устроить силы,
которые сговорились
против него.

К нему вернулось воспоминание о фразе,
скрытой в голосе змея.

Ангел Экстерминатус.

Также как и смысл злодеяния, которое она
несла. Чье-то другое сознание вложило
слова в его

разум. В отличие от большей части
этого кристаллического лабиринта, они
не ощущались как

предупреждение. Это было обещание,
пророчество.

Феррус был слишком слаб, чтобы
разгадать его. Его лоб покрыл
лихорадочный пот, когда он,

пошатываясь, преодолел последние метры
бойни и двинулся туда, где его ждали
новые ужасы.

После исчезновения змея, висящие черепа
перестали говорить и снова стали
мертвыми. Ветер

стих, и они также перестали вращаться,

от чего стало легче избежать
прикосновения к ним. Даже
их черты стали менее похожими на его, а
вид не таким устрашающим. Теперь
Ферруса влекла
единственная мысль. Как медузанская
схопнутая акула он продолжал идти.
Остановиться
значило умереть.

Он осилил три ступеньки, прежде чем
упасть, и его накрыла тьма.

...

Холодная аура костяного святилища была
насыщена возмущенной энергией.

-- Это тревожит тебя, -- сказал
Прорицатель.

-- Оно не должно было пробить дорогу в
склеп, -- ответил другой.

-- Осторожно, я вижу, как в твоём
настроении проявляется Кхейн. Вернись на
путь.

Второй пока не был готов уступить.

-- Мой гнев обоснован. Ему не суждено было
умереть. Не здесь. Не от этого.

Прорицатель пристально посмотрел на другого. Его взгляд был задумчивым и непостижимым.

-- И все-таки его жизнь под угрозой. Ты добавил в воды судьбы достаточно крови и рано или

поздно появятся акулы.

-- Оно вообще не должно быть здесь.

-- Костяные дороги, по которым мы странствуем, далеко не безопасны. Со времен падения, ты

знаешь это. Ты так удивлен появлению чего-то злобного?

Настроение другого стенилось с гнева на меланхолию.

-- Что можно сделать?

-- Освободи его и стирись с неудачей.

-- Мы слишком близки к этому.

Прорицатель прислонился к выступу изогнутой кости и сложил руки на коленях.

-- Тогда ты должен позволить судьбе идти своей дорогой и надеяться, что он сможет победить то, что ты впустил в свою

клетку.

Последовала пауза, которую Прорицатель предпочел не заполнять. Он просто наблюдал. Другой

был раздражен, руководствуясь эмоциями и разрушенными амбициями. Прорицатель не нуждался

в предвидении, чтобы догадаться, о чем собирался спросить его товарищ.

-- Что ты видишь?

Вопрос отдавал отчаянием.

-- Ничего. Все. Я вижу миллиарды вариантов будущего и возможных последствий, некоторые столь

бесконечно разные, что можно провести эры разыскивая изменение и не найти его.

-- Это не ответ.

-- Тогда я советую задать более точный вопрос.

-- Он утрет? Я проиграл?

-- И да и нет.

-- Ты без нужды загадочен.

-- Мы сражаемся на войне судьбы. Мы свое

всего лишь агенты в этом конфликте. Уз
за

высокомерия ты впустил Узначального
Разрушителя, -- другой коснулся камня
души на шее при

употинании имени -- по крайней мере,
частицу его сущности в свою клетку и
теперь оно в ловушке

вместе с твоей добычей. У Хаоса есть
способ затуманить путь судьбы.

Другой рухнул в свое сиденье из кости. Его
рука дрожала, когда он почувствовал, что
защита и

анонимность их святилища начала
разрушаться.

Узможденное лицо посмотрело на
Прорицателя зажавшими глазами.

-- Когда оно найдет нас?

-- Скоро.

Сантар узнал воинов, просачивающихся
сквозь мерцающий энергетический щит.

Позади Железных Рук лежали
разорванные тела эльдар вместе с
обломками их оружийных

платформ. Воины во главе с Сантаром
глубоко вклинились во вражескую оборону и
были на

пороге штурма непосредственно щита. Он
сиял перед Морлоками, как лазурное
солнце. Сантар

почти ощущал электрический привкус на
своем языке. Жар щита вызывал у него
желание

заслонить глаза, но он подавил порыв.
Осталось преодолеть последнюю преграду.

Похожие на призраков эльдары не казались
нематериальными, как это было в долине.

Облаченные в доспехи цвета кости и
сжимающие изогнутые визжащие клинки,
они атаковали

Железных Рук сквозь щит. Их адские
волны обрушились на Морлоков
губительным потоком.

Сантар закричал сквозь стиснутые зубы: --
Держаться!

Каждая его кость вибрировала.
Стиснутые зубы скрежетали. Еще одна
атака и они раскрошатся.

-- Я могу кричать громче, -- заверил он воина, напавшего на него.

Сантар сделал шаг вперед и перешел в атакующую позицию.

Его молниевый коготь разрубил меч воина и вонзился в его грудь. Перешагнув через труп чужого, он встретился с другим.

Тот нанес диагональный удар, нырнул под контрвыпад и развернулся у незащищенного бока Первого капитана.

Сантар вздрогнул, когда заряженный энергией клинок рубанул по доспеху, но не смог пробить его.

Неуязвимый удар локтем сломал эльдару ключицу. Нисходящий удар разрубил быксеноса, но

Сантар пошатнулся, когда второй напавший запрыгнул ему на спину. Он отвернул голову от

адского вопля и потянулся, чтобы сбросить его, когда тот дернулся и упал.

Полголовы и шлем исчезли, уничтоженные разрывным снарядом.

Символ Таркана один раз мигнул на ретинальном тактическом дисплее.

По радиосвязи раздался голос снайпера: — Слава Горзону.

Сантар покончил с тем, кому сломал ключику, припечатав его безжизненное тело бронированным

ботинком. Затем он вытер вытекающую из носа кровь и коротко отсалютовал Таркану, зная, что

тот увидит. Неспособные отвлекать и атаковать, как в пустынной долине, призрачные воины

обнаружили, что Морлоки крепче в открытом бою. Здесь сплоченность Железных Рук имела

большее значение, чем быстрота.

Слева Сантар увидел, как Десаан отбросил плечом чужого в воздух, затем поднял болтер

оставшейся рукой и продырявил его, прежде чем он приземлился искромсанным трупом. Сантар

почитал, что заметил след улыбки,

когда его глаза ненадолго встретились с
визором боевого
брата.

Десаан застелеялся.

— Как стрельба по дискам.

— Театральность не принесет тебе
никакой пользы, брат-капитан... за
исключением

преждевременной могилы. Убивай их
быстро. Не давай пощады.

— Возмездие придется подождать, —
ответил Десаан. — Кажется, все твои враги
мертвы.

Тела чужих устлали землю, тогда как
потери среди Железных Руки были
минимальны. Они

обескровили эльдаров, но приближались
новые, прыгая сквозь энергетический щит
с атлетической

и смертоносной грацией.

— Вот твой шанс, — сказал Сантар. Он
наклонился к голосовому усилителю на
горжете и

проскрежетал приказ, который прогремел

по боевой линии. -- Сомкнуться. Вместе,
как железная
стена.

Под ногами ощущались подземные
отголоски боевых зарядов Рүүмана.
Зарегистрированные на
ретинальном дисплее Сантара
сейсмические всплески подтвердили это.
В тот же момент, в углу
его зрения вспыхнул синхронизированный
хроно.

-- В атаку! -- закричал он.

С обеих сторон к нему присоединились
Морлоки, их доспехи «Катафракты»
касались друг друга,
плечо к плечу.

Призрачные воины разбились о
противостоящую им неумолимую стену из
черного кератита.

Некоторые сражались и добились
небольших успехов, и Сантар позже
вспомнит павших, но

сплотившихся терминаторов было не
остановить. Они прокатились по элите

эльдаров

несгибаемой волной. Зажатым между энергетическим щитом, который позволял им пройти только

в одну сторону, и наступающими легионерами, чужим куда было бежать, и их растоптали.

Находящиеся за их спинами эльдары ответили сильным, безжалостным огнем из оружейных платформ.

Артиллерийские удары обрушились на Морлоков. Терминатор, возможно Кагор, упал на спину.

Другому, Сантар не мог сказать кому, пробило грудь, и он упал. Остальные продолжали идти под обстрелом.

-- Легкий дождик, -- сказал Десаан, едва слышимый сквозь шторм.

-- У нас меньше минуты, брат, -- сказал ему Сантар.

-- Более чем достаточно, Первый капитан.

Продвигаясь вперед, Морлоки добрались до потрескивающего края щита.

Эльдары внутри него отступили, но продолжали вести огонь. Сверху стреляли орудия Рүүмана и

танки армейских дивизий.

Кто-то еще скрывался за мерцающей пеленой -- эльдары в мантиях и с загадочными посохами.

-- Разрушить его! -- заревел Сантар, сражаясь с ионизированной пульсацией энергетического щита.

-- Бейте по нему из всего, что у вас есть.

Грозовые молоты и силовые булавы, эвисцераторы и комби-болтеры обрушились на поле

раскаленной лазури. Сильно колыхнувшись, щит согнулся, но не лопнул.

Хроно на ретинальных дисплеях всех ветеранов Железных Рук достиг нулевой отметки.

Конец отсчета предвещала серия глубоких, подземных взрывов, которые раскололи поверхность

внутри щита. Это последовательно
детонировали снаряды минометов-котов.
Когда паутина,
сплетенная эльдарати вокруг узла,
разорвалась, вверх поднялась ударная волна.
Серия мельчайших потех пронеслась по
изгибу щита, от чего он задрожал, один
раз вспыхнул и
затем исчез.

Сантар первым пересек его границу.

— Бей их! Слава Горзону!

Ворвавшись на оружейные платформы,
Морлоки едва обратили внимание на
сильный обстрел,

который вели по узлу танковые дивизионы.

Даже без защиты щита костяное
сооружение было

крепким, но по всей его глине начали
появляться трещины.

Это была бойня, эффективная, а не
кровожадная, но все равно бойня.

Из свалки вышел воин с потрескивающим
кривым мечом. Сантар встретил его
толнцевыми

козтями, но почувствовал сжатие в
сервомеханизмах бионической руки, когда
наносил

смертельный удар. Его следующее
движение тоже было медленнее обычного,
словно он

преодолевал силу инерции или
воздействие высокой гравитации. Так же
вели себя ноги.

Он вспомнил фигуры в мантиях. Их
окружала группа тяжеловооруженных
воинов чужаков.

-- Десаан, ты все еще видишь? -- спросил
Сантар. Со всех сторон к ним
приближались враги,

размахивая пиками и клинками: толпа
эльдаров в панцирной броне и группа
странников в плащах, с которыми
Железные Руки сражались раньше. Один из
них сделал вынаг энергетическим копьем
в Сантара, который едва увернулся.
Схватив древко, он подтащил воина к себе
и стял лицевую

пластину кулаком. Тело обмякло и

затихло, но эльдар оставил отлетину на боку Первого капитана.

-- Слишком близко.

Другой нацелил сюрикенное копье в его тело и расколол деталь доспеха. Сантар рубанул когтем и

убил противника, но почувствовал то же сопротивление, которое затегло его несколькими

секундами ранее.

Распознав эти ощущения, он закричал: -- Десаан, твои глаза?

-- Мое зрение... не работает.

Вокруг узла клубилась тьма, закручиваясь от его верхушки в грозное облако.

Сантар задрал голову и увидел черное облако, ползущее вниз по узлу в их сторону.

-- Трон Земли...

Только не это...

Сантар знал, какую бойню мог устроить шторм и его воздействие на железо. Он не решился

предположить, сколько именно воинов

пострадают.

По его мнению, выбор был невелик.

-- Всем ротам, прекратить наступление.

Сантар застыл, охваченный неуверенностью, так же как и его бионика, парализованная надвигающейся тьмой.

-- Мы должны двигаться вперед, -- передал по радиосвязи капитан Амтар. -- Первый капитан, какие приказания?

Воспользовавшись передышкой, группа альдаров в мантиях уже восстанавливала части щита. Он

рос позади Морлоков, как органическая энергетическая паутина. Снаряды и лазерные лучи

тяжелых дивизионов отражались от быстро восстанавливающейся завесы.

Десаан схватил Сантара за плечо.

-- Мы не можем оставаться здесь, Габриэль. Вперед или назад, выбирай?

Если они останутся, то могут

уничтожить узел, или, по крайней мере,
убить колдунов, которые
преобразовали щит, но при этом они
рисковали быть истребленными от
собственных или братских
рук.

Клубы облака, предвестники темной
пелены, приблизились на расстоянии в
несколько метров к

Железным Рукам. Они извивались, как
змеи.

Так близко...

-- Ты видел, что оно сделало с нами в
долине. -- Сантар принял решение. Приказ
отдавал горечью, когда он произносил его.

-- Отходим!

Отступление было медленным и
изнуряющим. Легионеры боролись с
механическими частями

своих тел, и пытались остановить прямое
неповиновение. Некоторые не справились и
их тащили

боевые братья. По крайней мере, никого не
поглотил шторм, это означало бы

смертный приговор.

Он бурлил на границе щита, укрыв то, что осталось от эльдаров внутри, но, не продвигаясь

дальше.

Даже на расстоянии Сантар чувствовал силу влияния машинного проклятия. Его пальцы

рассеянно коснулись ран на шее. Горжетт едва спас ему жизнь. Он по-прежнему чувствовал

покалывающий жар собственного молниевозного когтя на коже и электрический запах в ноздрах.

-- Итак, к кому теперь мы обратимся за помощью? -- Десаан снял визор и встал рядом с Первым

капитаном, оба офицера тесно взаимодействовали. Покрытое шрамами лицо Десаана выглядело

хуже без металлического обруча, который он обычно носил поверх глаз; кожа была опухшей и

шероховатой. Он заново подсоединил визор

к паре черепных имплантатов в висках, и
устройство

снова застрекотало.

-- Работает прекрасно, -- сказал он,
борюча обряды активации и чистоты.

-- До тех пор пока мы за пределами
облака, -- сказал Сантар.

Буря пульсировала и колебалась, как
темный океан, медленно и насмешливо при
всей ее

кажущейся безобидности.

Сантар внимательно посмотрел на нее.
Он стоял в полукруге капитанов и их
заместителей, в то

время как остальной Легион, построенный
клановыми ротами, ожидал позад и
смотрел на
осажденных.

-- Щит пробит и только частично
восстановлен, -- сказал капитан Аттар.

Обстрел Рүүмана прекратился, и
Железномелый присоединился к ним на
возвышенности, где по-

прежнему ждали части тяжелой

поддержки.

Сантар повернулся к нему.

-- Твоя оценка, Эразм?

-- Шит сооружен из кинетической энергии, но создан психически. Я только могу строить теории, есть ли у ксеносов некая форма генератора, связанного с их психическими талантами, или другая необъяснимая технология. Как мы уже видели, его можно пробить, но только исключительными усилиями.

Десаан нахмурился.

-- А что с облаком? Как мы прорвемся сквозь него?

Рутан обратил свой холодный взгляд на него.

-- Не понав под воздействие отказа механизмов, мы не стоим.

-- Думаешь, они смогут поддерживать его бесконечно? -- спросил капитан Медузон.

Десаан посмотрел во тьму, но не нашел бреши и признаков слабости.

-- Если наш Железномелый прав, мы не можем наступать, пока шторм продолжается.

Суставы Сантара затрещали кибернетическим резонансом.

-- Мне бы очень хотелось вызвать «Железный Кулак» и стереть это место с лица земли.

-- Тогда сделай это, Первый капитан, -- сказал Медузон. -- Мы можем отвести наши силы и найти необходимое укрытие в пустыне.

Рүүтан покачал головой.

-- Не выйдет. Сенсоры не смогут преодолеть психический щит эльдаров в этом месте. Мы скорее уничтожим себя, чем сравняем узел.

Десаан потер подбородок и нахмурился.

-- Щит прорван, но не разрушен. Оборона чужих сильно ослаблена. Если мы сможем доставить

воинов за плену, чтобы убить тех, кто ее создает...

Хенрикос шагнул вперед, втянув широкую грудь.

-- Я могу проникнуть за эту завесу.

Десаан сердито взглянул на него.

-- У тебя просто талант влезиваться, брат-сержант.

Хенрикос ограничился кивком в качестве извинения.

Сантар прищурился.

-- Я слушаю. Как ты войдешь в шторм, брат? Если только не хочешь умереть от собственного меча?

-- Потому что воину из плоти ничего бояться шторма.

Хенрикос показал обрубок, который остался после отсечения бионической руки.

-- Все в порядке, -- сказал он быстро. -- Я могу сражаться без нее.

На сержанта обратились тяжелые, укоризненные взгляды.

-- Ты бесчестишь Железную Веру, -- сказал Сантар. -- Этот механический имплантат часть ритуала.

Он делает нас теми, кем мы есть.

-- У то, кем ты есть, убивает нас, первый капитан. Я предлагаю другой подход.

-- За который ты получишь строгий выговор.

-- Я понесу любое на твое усмотрение наказание.

Сантар свирепо взглянул, борясь с желанием вынести наказание немедленно.

-- Даже если это смерть?

-- Я могу проникнуть за завесу. -- Хенриксон был стоек.

-- Огун? -- С сомнением спросил Аттар.

-- Нет, ни огун, -- ответил Сантар, когда увидел группу ветеранов Армии, приближающуюся к

собранию офицеров Железных Рук. Они выглядели взволнованными в присутствии громадных

воинов и держались вместе.

Сантар подавил презрение и попытался увидеть солдат в детях перед собой.

Их командиром был седовласый полковник саваанских масонитов, который подобно слуге

преклонил колени перед Железными
Руками. В отличие от некоторых более
нервных подчиненных

он не дрожал.

Десаан серьезно посмотрел на него с
огромной вершины своего трона
«Катафракта».

-- Назови себя.

-- Лорды, -- обратился человек, у него был
скрипящий голос от чрезмерного курения
или просто из-

за возраста. -- Я -- маршал Вортт
Салазариан 254-й дивизии саваанских
масонитов, и я служил

Великому Крестовому походу и вашему
Лорду Горгону четыре десятилетия.

Десаан коснулся платинового штифта в
черепе человека.

-- Не говори мне о службе, старик. Что ты
знаешь об этом?

Аттар скрестил свои огромные
бионические руки, а Медузон просто
нахмурился. У каждого из них

был платиновый штифт и каждый

сражался дольше, чем большинство людей жили.

К его чести, полковник Салазаруан не моргнул. Ни разу.

-- Я не хотел оскорбить. Мы последуем вместе с сержантом Хенрикосом в штурм, -- сказал он,

облизав губы, чтобы уменьшить сухость во рту. Этот эффект вызывало у людей присутствие

костодесантников. -- Если вы позволите нам, мы сделаем это. Для нас это было бы честью.

Десаан сердито взглянул.

-- Плоть слаба, -- сказал он, но Сантар поднял руку, призывая к тишине.

Ветераны Армии выглядели худыми и слабыми, даже сегой полковник, но и альдары тоже, а они

оказались опасными.

Медленно покачив головой, Десаан сказал:

-- Они сломаются, а мы в придачу потеряем одного из своих.

-- Хватит, -- сказал Сантар, разглядывая преклонившего колени человека. Он приказал ему встать.

-- Я не король, а ты не мой подданный. Встань.

Кивнув на Десаана, Сантар спросил полковника: -- Он прав? Вы сломаетесь?

Салазариан расправил плечи и вытянул челюсть.

-- Позвольте нам доказать нашу значимость. Мы не подведем, милорд. До этого момента мы выдерживали.

-- Небольшое количество простых людей смогут справиться с этой задачей, - сказал Хенрикос.

Синевато-серые глаза Сантара встретились со взглядом сержанта.

-- Я знаю, что люди близки тебе, сержант. Я понял это, когда ты докладывал о состоянии дивизий

Армии. -- Он замолчал, посмотрев сначала на шторм, а потом на ветеранов Армии.

Лучше сделать и позже попросить

прощения, чем быть парализованным
нерешительностью.

Он слышал раньше это от Ферруса
Мануса. Сантар очень хотел попросить
его совета прямо

сейчас. Так как он не мог, то спросил: --
Ты ручаешься за этого человека и его
воинов?

-- Я утру, если они подведут, -- сказал
Хенрикос.

-- В этом ты прав, -- сказал ему с
очевидной угрозой Сантар. -- Найди шабаш
или что там еще

используют эльдары, чтобы поддерживать
этот шторм, и уничтожь его. Мы пойдем
следом и

истребим все, что останется. Задача
поставлена, брат. Все, что тебе нужно
сделать -- следовать ей.

Хенрикос отдал честь и отправился
собирать остальных масонитов.

После того, как он ушел, Десаан покачал
головой.

-- Безрассудная стелость убивает воинов

быстрее болтера и клинка. -- Он указал на край шторма.

-- Эти люди умрут там. И Хенрико тоже.

Сантар смотрел на злобещую черную тучу, представив, что она смотрит в ответ с сознанием

хищника.

Когда они отступали, когда ее щупальца приблизились с изыщной неумолимостью плывущего

тумана, он почувствовал сокрушительную тяжесть в груди, словно его конечности увязли в

феррокрите метровой толщины. Они все это ощутили, каждый из них, кто был в значительной

части машиной.

В его распоряжении вся их сила, мощь Легиона, и все, что они могли -- это смотреть.

-- Тогда я надеюсь, они умрут достойно и принесут нужную жертву. Но я обещаю тебе. Так или

иначе, ты сокрушил узел. Горгон пожелал это.

...

Холодный камень легенил лицо. Струйка воды из какого-то подземного ручья увлажнила губы и привела в чувство.

Оцепеневший и хмельной от яда, Феррус перевернулся на спину и застонал.

Он никогда не чувствовал такую слабость.

Он не мог вспомнить, как потерял сознание. Это могло случиться по дороге с бойни.

Попытка встать вызвала адский шум, обрушившийся на его разум. В ушах грелась кровь. Держась за голову и морщась, он встал на одно колено.

Его конечности налились свинцом, из-за чего он стал вялым и медлительным. Сокрушитель

Наковален выполнял роль костыля. Оказавшись в лабиринте, он уже дважды

использовал его в

такой постыдной роли. Этот факт не нравился примарху, который снова изучил окружающую

обстановку, как только встал.

К счастью змей или кем он там ни был, исчез. Пропали даже звуки его присутствия, и их сменяла

ужасная тишина. Феррус сомневался, что выжил бы, встретить его в этот момент. Он едва стог

подняться на ноги, не говоря уже об оружии.

Он похлопал по эфесу Дракона.

-- Спасибо, брат.

Позади был трак. Теперь он едва видел даже бойню и задумался, как долго и далеко блуждал в

бреду. Впереди тоже была темнота, но крошечной точкой света, ведущей его как маяк через

шторм. Ферруса влек водоворот мыслей.

Что сказала тварь?

Ангел Экстерминатус.

Феррүс понял слова, но не их смысл. Размышление о них причинило ему боль и вызвало ступное чувство пламени, проникшее в его сознание.

Вместе с движением начала возвращаться его сила. В том месте, где расплавилось живое

серебро, рука все еще болела, но не так сильно. А вот шея чертовски чесалась, и он заподозрил, что тварь нанесла вторую рану, пока он был без сознания. Но когда он коснулся кожи под

горжетом, она оказалась целой.

Подавив раздражение, Феррүс медленно пошел к точке света.

Возможно, это был очередной обман, какая-то новая попытка проверить его. Но Феррүс должен

понять ее цель. Он подумал, что если враги хотели убить его, то уже сделали бы это или, по

крайней мере, старались бы сильнее и

более открыто. Ксеносы, особенно эльдары, были

загадочными и непостоянными, даже для выдающегося ума примарха. Их мотивация была

непонятна ему. Существо, которое охотилось на него, не было змеем, оно было чем-то более

порочным, чем-то первобытным и, как он подозревал, не полностью сотворено его пленителями.

Оно хотело убить его. Горзон чувствовал весь его гнев, его садистское желание, сосредоточенное

на Феррусе. Когда они сражались, примарх почувствовал это, но желание было зачаточным,

словно само существо только частично сформировалось.

Феррус не знал, что это значило. Единственное, в чем он был уверен, что тварь не умерла и

вернется за ним. Каким бы ни был изначальный план эльдаров, он знал, что

должен будет убит
ее, чтобы спастись.

Пройдя через точку света, которая
расширилась в яркую трещину, чтобы
пропустить его, Феррус
набрался решимости для предстоящей
битвы.

Ему не пришлось долго ждать.

Ряд грандиозных, триумфальных арок вел
к глиняной дороге. Они представляли собой
огромные

разрушенные ворота, открытые для
возможного проникновения. По их краям
тянулись почерневшие

от огня камни, от которых были
отколоты уродливые куски.

Трещина света закрылась за его спиной, не
оставив видимого выхода.

Как он и ожидал, эта арена должна стать
последней.

Феррус чувствовал себя гигантом,
идущим по величественному, но
разрушенному дворцу в

миниатюре. Когда он миновал дорогу и

разрушенные ворота, то вступил в
вестибюль. Даже

уменьшенный в масштабе приемный зал
был огромен и затмил бы гиганта. В нем
преобладали

готические архитектурные украшения, но
они были холодными и строгими, наводя на
мысли об

ушедшей славе и культурном застое.
Вдоль стен тянулись черепя, как часть
некой огромной

усыпальницы, зловещую планировку
которой наполняло мрачное настроение.
Здесь, в этом

памятнике разложению и бесконечного
упадка, богатство давно уступило
ветхости.

Когда Феррус прошел по миниатюрным
плитам, припарх понял, что это не
приемный зал и никогда
им не был.

Это была гробница.

А в конце потрескавшегося пространства
стоял громадный трон, не совпадающий по

масштабу с

остальным дворцом и покрытый тонкой паутиной и многовековой грубой паутиной.

На нем сидел истощенный король.

Король застоя, повелитель загнивающей империи, его мантия превратилась в лохмотья, а тело — в

лишенные плоти останки. Он не носил короны, и только последнее болезненное выражение

неосуществленной мечты застыло на его лице.

Король возвышался над Феррусом, глядя вниз бездонными глазами.

Последний шипящий вздох сорвался с губ ожившего монарха и вызвал нервный тик ужаса на лице

примарха.

Ожидая, что выходец с того света поднимется, он сделал шаг назад.

Только после того, как вздох затянулся намного дольше, чем следовало, Феррус понял, что дышал

не король, а кто-то еще, придавая трепу

лненное звучание.

Из тайного убежища под потускневшим тронном мертвого короля выползал змей.

Голова была поднята, в то время как остальное тело извивалось внизу, поддерживая ее. Бока

покрывало зеркальное серебро. Глаза — зеленовато-желтые круги разложения, рассеченные

черными, тонкими как кинжалы лучами. Ненависть выделилась в пьянящий мускус, который опьянял чувства примарха.

Он потянулся за Сокрушителем Наковален, но змей бросился на него быстрее ртуть, и Феррус был вынужден схватить его челюстями, прежде чем они сошлись вокруг горла.

Горячая и зловонная слюна, с привкусом кислоты, брызнула в лицо примарху, и он зарычал.

Сражаться с этим зверем было то же, что и цепляться за жидкость, но Феррус прижал его к земле

и сожмнул руки вокруг шеи, прежде чем змей смог вырваться. Яростно извиваясь, тварь оторвала

примарха от земли и впечатала в нее. Узлы боли пронзили его спину и плечи. Шея словно

собиралась треснуть, когда жгучая рана вокруг шеи, которая не была раной, запылала подобно адскому пламени.

-- Я -- Горгон! -- закричал он. -- Я -- примарх! Его голова ударилась о что-то твердое, и темные искры вспыхнули на краю зрения. В глазах

покраснело, но Феррус держался.

Он держался и давил.

Несмотря на ярые усилия змея, Феррус медленно сжимал свою хватку. Он задыхался, раздавит

каждую частицу жизни в змее, пока тот не станет холодным и неподвижным. Затем он размажет его череп в багровую пасту.

-- Вернулся из преисподней... -- выпалил он.

Тебе следовало оставаться мертвым,
Асирнот...

Ведь кем еще он мог быть, как не
воплощением той самой ужасной твари?

Голова змея повернулась... повернулась
так, что должна была сломать свою шею в
железной

хватке примарха. Губы, которые не
должны были или быть, разошлись.
Человеческие и

знакомые глаза, рассматривали его. Грива
сползла по его спине, когда благородное и
патрицианское лицо проявилось в прежде
змеиных чертах.

-- Я, -- сказал он без намека на шипение, -- я
не... -- голос был мелодичным и тягким, --
Асирнот...

Феррус знал это, как и знал голос и лицо
перед собой.

Это был идеальный убийца,
сверхъестественно быстрый и
нечеловечески сильный. Только гругой
примарх мог победить его.

Только гругой примарх...

Он ослабил хватку, и вспыхнула трансформации смешала облики человека и твари. Ряд влажных от

слюны клыков пронзили десны, существо глотало кровь, одновременно сильно меняясь. Теплые и

братские глаза сузились в желтые порезы. Чешуйчатая плоть подобно заразе покрыла нижнюю

часть шеи и скулы.

Подавив тошноту, Феррүс усилил хватку. Глаза примарха и змея расширились с жуткой

синхронностью, когда шея твари медленно стялась. Она боролась. Она хотела жить, воплотиться, но Феррүс убьет ее. Он покончит с нею голыми руками.

-- Ты -- не он, -- сказал он сквозь стиснутые зубы.

Последний мучительный скрежет, наполовину змеиный, наполовину человеческий, выскользнул

из рта змея и тот стал неподвижным и безжизненным.

Еще раз нагавив, пока не почувствовал, что его суставы могут сломаться, Феррус отпустил

чүдовище и оно соскользнуло на землю.

Из глотки примарха вырвался долгий, судорожный выдох и он протер глаза, словно отгоняя дурной

сон.

Тревога обратилась в гнев. Феррус вытащил Сокрушитель Наковален и сделал то, что обещал. Он

продолжал бить целую минуту, пока боль в руках и плечах не заставила его остановиться. Когда

он закончил, от твари мало что осталось — только красное пятно. Примарх тяжело дышал, а с

бровей стекали бусинки пота. Он почувствовал на пылающей коже холод испарения, и это

ощущение не покидало его до самого трона.

Разъяренный Феррус бросился к трупу короля, стянул его одной рукой с трона и

ударом о землю

разбил на кусочки костей.

- Твое правление закончилось, - сказал он ему, после чего отложил молот и схватил обеими

руками подлокотники трона. Феррус вырвал трон с основания и обнаружил светящийся дверной

проем. Отбросив в сторону сломанное кресло, он шагнул через портал и приготовился встретиться

со своими учителями.

То, что он увидел, не оправдало его ожиданий.

Перед ним вращалась сфера из планет и звезд, замкнутая в бесконечном пространстве, которое

не имело ни измерения, ни предела, ни видимых границ. Эффект был ошеломляющий.

Взгляд притарха привлекла главная планета, расположенная среди четырех других в системе

звезд и безжизненных лун. Мир был

черным, и Феррүсү это напотнило черные
пески под ногами,

который сопровождал его большую часть
путешествия. Затем, словно гигантская
небесная спичка

или след метеора ударил по поверхности
мира, воспламенив его. Огонь превратился
в огроный

пожар, накрывший все континенты и моря,
окружав их подобно свету губительного
солнца. Только

когда преобразование завершилось, Феррүс
понял, что это было совсем не солнце, но
пылающий

красный глаз с черным зрачком.

Картина изменилась, и он увидел, как
вокруг пылающего мира выросло медленно
движущееся

кольцо из черного железа, которое
удерживало пламя на месте, пока к нему
не присоединилось

второе кольцо из кобальта. Хотя глаз
яростно пылал, он не смог выскользнуть из
объединенных

металлических колец, направленных
обуздать его. Солнце потускнело и наконец
потухло, оставив

мир черным и безмолвным.

Феррүс потянулся, чтобы коснуться
сферы, но серебряная рука прошла сквозь
нее, разоблачив

иллюзию, которая исчезла как дым в
мгновение ока.

-- Что это? -- выпалил он. -- Новые знаки,
новые игры?

-- Это не игра, -- произнес низкий, немого
телодичный голос.

Феррүс повернулся лицом к своему
поработителю, сжимая в руках
Сокрушитель Наковален.

-- Это будущее. Твое будущее, -- сказал
эльдар. -- Если захочешь, оно им станет.

Чужой был в одет в разноцветную
мантию. Тайные знаки были вышиты в
переливающуюся ткань,

висели на тончайших цепочках и
блестящих бриллиантовых нитях. Эльдар
не носил шлема и

маски, демонстрируя узкое лицо с
высокими скулами и острый как нож
подбородок. Странные
матюровки покрывали его кожу и череп, с
которого ниспадали глинные золотистые
волосы. В

миндалевидных глазах, которые
рассматривали примарха, сверкали
бездонная мудрость и
непредсказуемый интеллект, а также
страх.

-- Ты на распутье, Феррус Манус. Твой
нынешний путь ведет к смерти, а вот
другой к выживанию и

великим изменениям в галактике, --
сказал эльдар. -- Ты не понимаешь,
насколько ты важен.

Он развел руки в жесте мира и
товарищества.

Все, что видел Феррус -- это ксеноса-
обманщика.

-- И ты ждешь, что я поверю тебе, тварь? --
Он говорил прямо и невозмутимо. Не
осталось ни

следа от прежнего несдержанного гнева.

-- Я предлагаю тебе надежду. Я предлагаю тебе галактике, -- попросил эльдар. -- Ты сможешь

изменить все.

На лице ферруса появилась улыбка, но она была пустой. Плечи эльдара поникли, когда он увидел это.

-- Я знаю, что утра, -- сказал примарх, -- также как знаю свое место и долг. Не имеет значения, произойдет ли это на каком-то темном мире, который я никогда не видел, или на скалах самой

Медузы. Я король-воин, чужак, но также кое-кто еще. Человек. И в отличие от вас, эльдаров, люди

не покоряются судьбе. -- Его глаза вспыхнули огнем. -- Мы творим ее.

-- Ты заблуждаешься...

-- Нет, это ты совершил ужасную ошибку, заманив меня в эту ловушку, -- сказал феррус, взмахнув

Сокрушителем Наковален. Засохшая кровь

змея слетела с обуха, вызывая ощущение
грядущих

событий. -- Еще большей ошибкой было
показаться мне.

-- Пожалуйста, я предлагаю жизнь... --
сказал чужой.

-- Ты предлагаешь клетку предсказанной
судьбы, -- прорычал Феррус. -- Это твой
последний

отчаянный гамбит, -- сказал он и
атаковал.

-- Послушай меня, -- закричал эльдар,
отступив и сотворив психический щит
для своей защиты. --

Так не должно было случиться. Не
поддавайся ярости.

-- Я и есть ярость, -- заревел примарх. -- Я --
король-воин, рожденный из крови битвы!

Ни один сотворенный разумом щит не
смог бы устоять перед разрушительной
яростью

Сокрушителя Наковален, когда им
орудовал его хозяин. Защита была разбита
и психические

осколки вонзились в эльгара так же болезненно, как и клинки. Он отпрянул и метнул зазубренную толнию, которую Феррус отразил наплечником. Озоновый запах наполнил его ноздри, но это его не остановило.

Рев Горгона сотряс ткань созданного вокруг него мира, психическое эхо гнева раскалывало ее по швам.

-- Теперь освободи меня!

Потеющий, истекающий кровью и охваченный страхом эльгар пробежал через трещину в фальшивой реальности.

Феррус бросился вперед, пытаясь проскользнуть через тот же проем, что и эльгарский колдун, но ореол идеального света отбросил его.

-- Освободи меня!

Слова растянулись в бесконечность, когда его окутал свет, заглушая чувства, пока они не исчезли.

Пока тьма не поглотила их, вызвав у Ферруса ощущение вечного падения.

...

Последняя ведьма из шабаша соскользнула с его меча, оставив полосу чужацкой крови на клинке.

Несмотря на ее смерть и медленное затухание шторма, Буон Хенрикос знал, что он покойник.

Из шести тысяч ветеранов, которых он повел в темноту, осталось едва восемь сотен. Они

окружили Железную руку, раненый полковник Салазаруан стойко бился рядом с ним, несмотря на

кровь в легких. Армейский командир прищурился одним глазом -- второй был выбит эльдарским

ножом -- и понял, что они побеждены.

Впервые за час Салазаруан перестал выкрикивать приказы своим людям.

Хенрикос понял его внезапный фатализм.

-- Вы вернули нам достоинство и честь, -- сказал полковник, -- и я благодарен вам за

это, милорд.

Пронзительный вой. Стремительное перемещение воздуха и брызги горячей жидкости на его лице

сказали Хенрикосу, что старик мертв раньше, чем он увидел зияющее отверстие в груди ветерана.

Салазариан повалился с застывшими глазами на руки Железнорукому, который бережно опустил его на землю.

Шторм убывал, но его трек рассеивался медленно. Братья не доберутся до него вовремя. Люди

гибли в большом количестве, так как эльдары дрались до последнего. Они тоже утирали, но не

собирались делать это огни. Ксеносы хотели голову костодесантника. Они хотели Буона

Хенрикоса.

-- За Горгона! -- закричал он, оставив свой медузанский клинок в земле, чтобы извлечь болт-

пистолет. Снаряды разлетелись веером, оставляя в воздухе огненный след дупльной вспышки. Они

поразили чужих, и те умерли в агонии. Выстрел в голову сразил командира, чья сабля выглядела

такой же стремительной, как и ее хозяин.

-- За Гор...

Что-то поразило Хенрикоса в шею, возможно сюрикен из эльдарского энергетического арбалета.

Он захрипел, чувствуя, как она горит. Полсекунды спустя его бедро пробил лазерный луч. Он

зашатался, с его изуродованной руки упал боевой щит. Сержант попытался зажать рану на горле

обрубком кисти, но бесполезно. Следующий луч пронзил его тело где-то между грудью и плечом.

Упав на одно колено, Хенрикос выпустил неприцельную очередь.

На его ретинальном дисплее ярко и настойчиво горели предупреждаемые

символы. Он сорвал

шлем, чтобы избавиться от них.

Закрыв глаза, Хенрикос приготовился к концу. Его плеча коснулась рука, и он снова открыл их.

-- Для тебя война еще не закончилась, Железнорукий, -- сказал голос из льда и пламени.

Гигант перед Буоном Хенрикосом был облачен в угольно-черный доспех. Его мощные руки

мерцали блестящим серебром, которое струилась подобно ртути. Каменные глаза сурово

рассматривали его, а молот в руке мог расколоть горы.

Феррус Манус вернулся и эльдары бежали.

-- Шторм закончился, брат, -- сказал примарх и протянул руку. -- А теперь стань со мной, чтобы

увидеть его конец.

Хенрикос услышал, как приближается остальной Легион сквозь пламя и дымы битвы.

Сантар и Морлоки оказались первыми в ряду с примархом. Им трудно было сдерживать радость при виде Отца. Их болтеры и клинки бликовали.

Узел пал быстро, хотя многое из того что произошло, размылось для Хенрикоса. Он отнес

Салазариана к своим позициям. Вместе с ним вернулись едва три сотни ветеранов.

Позже их почтят за роль в битве и признают приемными сыновьями Медузы. Они станут первыми

воинами Цепной Вуали, ее капитанами, и живым доказательством того факта, что с этого дня не

всякая плоть слаба.

Сантар нашел Горгона на краю поля битвы, стоящего над Буоном Хенрикосом.

Вернув тело полковника Салазариана, сержант потерял сознание от своих ран.

-- Он выживет, -- сказал Горгон, -- но ему понадобится больше аугметики.

-- Это его право. Железные Отцы

пристотрят за ним, -- ответил Сантар. --

Я собирался наказать

его за критику Железной Веры.

-- Ты по-прежнему должен сделать это.

Сантар задумался над этим, но его отвлекли другие мысли.

-- Что случилось?

-- Это не имеет значения, -- тихо сказал Феррус. Его настроение неожиданно ожесточилось, и он

встретился с вопрошающим взглядом Первого капитана. -- И ничего не изменит.

Притарх подозвал одного из легионеров и тот установил на земле гололитический проектор.

Железные Руки получили сообщение, что Саламангры обнаружили второй «основной» узел в

джунглях. После победы в пустыне, Феррус решил встретиться с братом.

-- Мы уходим? -- спросил Сантар, когда гололит ожил зернистым конусом серого света.

-- Да. Собери Морлоков и скажи им, что

мы направляется в джунгли. -- Тонкая улыбка выдала радость примарха. -- Мой брат нуждается в нас.

Когда Феррус начал переговоры с Вулканом, Сантар выполнил приказ, но, несмотря на

возвращения повелителя, он не мог избавиться от чувства, что не все в порядке. Все, что

случилось за время отсутствия Горгона, оставило неизгладимый след, который отразится в

будущем. Возможно, в будущем каждого из них.

...

Окостеневшие дороги, которые вели из их защищенного святилища, были небезопасны, но другого

выбора не было. Частичка злобного сознания, которое проникла в псевдотир Латсаруала была

мертва, убита Горгоном.

Пройдут тысячелетия, прежде чем оно

стожит вернуться.

Латсаруал пошатывался, и Прорицатель помогал ему идти. Невежественное существо, которое он

пытался спасти, ранило его. Отчаяние и мука вытекали из него психическим потоком, который

привлечет других хищников. Им необходимо быстро найти безопасное место.

-- Я потерпел неудачу, -- простонал он, полностью опустошенный. -- Я позволил начаться войне,

которая обескровит нашу и так малочисленную расу.

Внимание Прорицателя сосредоточилось на паутине вокруг них. Его чувства реагировали на

любую трещину, любой на вид незначительный разлом. Многие суб-миры уже были поглощены и

еще больше ждет то же самое, когда начнется война, которую Латсаруал так старался

преодолеть.

Это было неизбежно, и поэтому настроение Прорицателя было оптимистичным.

-- Ты не мог предотвратить эту войну, -- сказал он, открывая новый канал в костяной дорожке,

которым редко ходили и поэтому он был безопасен. -- Исцеляющее место близко.

Латсаруал не ответил. Провидец был безутешен.

-- Люди близоруки, -- сказал Прорицатель. --

Даже те, кто считает себя великими, как Горгон. Его

железные ноги прикованы к его судьбе и смерти.

-- Но он приговаривает не одного себя, но галактику. Ту, которой предназначено гореть в огне.

Холодный свет омыл их, когда они, наконец, нашли исцеляющее место.

Прорицатель посадил

Латсаруала на плиту из кости и предложил ему отдохнуть.

Когда другой провидец уснул, Прорицатель
вернулся к своему видению будущего.
Трижды он

видел, как раскрывается одна и та же
вероятность. Это, само по себе, было
поразительно.

-- Есть надежда, -- пробормотал он. -- В
империи Боевого Царя, он объявит
наследника. Даже если

Горгон погибнет и не примет во внимание
наше предупреждение, есть другой, кто
выслушает, тот, кто сбился с пути.

...